

Иванъ Лукашъ

Голое Поле

Книга о Галлиполи

1921 годъ

Софія 1922

ИВАНЪ ЛУКАШЪ

ГОЛОЕ ПОЛЕ

(КНИГА О ГАЛЛИПОЛИ)

1921 г.

СОФИЯ
Печатница „БАЛКАНЪ“
1922

* * *

Когда уголья будутъ гаснуть, ты тронь ихъ щипцами, ударь по обгорѣлымъ чернымъ головнямъ — и ринутся и запляшутъ искры, а ты сядь ближе, наклонись къ жару и слушай шопотъ огня.

Ты видишь — рушатся безшумно стѣны и падаютъ, чуть свистя, багряныя башни. Ты видишь, какъ, сверкая червонными кольчугами, поднялись рыцари и унеслись, кружась, огненные монахи. Ты видишь метанія горящихъ знаменъ.

Сядь ближе, наклонись такъ, чтобы тихій багрянецъ озарилъ твое лицо и слушай шопотъ огня.

Слушай . . .

⁂

Кутепъ-Паша.

У нея ключицы сквозятъ черезъ бѣлый батистъ кофточки. Ключицы, какъ два легкихъ крыла, раскинуты на груди. Мы сидимъ на полу, на полосатомъ матрасѣ. Когда она повертываетъ голову, я вижу, какъ вьются надъ ея бѣлымъ затылкомъ золотистые, каштановые кудерки. Вьются такъ же, какъ давно въ Петербургѣ, когда была она дѣвочкой, носила коричневое платье съ кружевнымъ бѣлымъ передникомъ и ходила въ гимназію. У нея былъ тогда такой маленькій зеленаго сафьяна портфель съ серебряннымъ ключикомъ.

Мы сидимъ на полу. И то, гдѣ сидимъ мы, — не комната, а верхняя площадка деревянной лѣстницы. Провалены деревянныя ступени и надо очень осторожно подымать ногу, чтобы не угодить въ черныя ямы. Ветхія перила трясутся подъ рукой.

На площадкѣ она и живетъ. Обмазаны стѣны сѣрой известкой. Стѣны въ трещинахъ и зеленоватыхъ лишаяхъ. Я упираюсь головой въ приклеенный обрывокъ зажелтѣлой газеты. Надо мной печатныя черныя буквы „Конецъ большевикамъ“, и когда надавишь

выгорѣвшій обрывокъ, онъ хруститъ подъ моимъ затылкомъ: обрывками заклеены клопиныя щели, известка въ коричневыхъ помазкахъ крови. Этотъ сѣрый, полуобваленный греческій домъ — настоящій клоповникъ.

А окна на площадкѣ нѣтъ. Нѣтъ, — окно вышиблено, и провалъ въ стѣнѣ полузавѣшенъ одѣяломъ. Желтое одѣяло корузло здѣсь и зимой, когда заметалъ площадку мокрый снѣгъ и приходилось отряхать бѣлыя горки инея съ подушки.

Стоитъ теперь угрюмая жара. Воздухъ давитъ, какъ накаленный мельничный жерновъ, а съ бурой площади, гдѣ стоятъ грузовые автомобили, мететъ на площадку колкую сѣрую пыль . . .

Она здѣсь живетъ, вотъ уже скоро годъ. Она, и ея мужъ, — офицеръ-летчикъ съ синими, чуть померклыми глазами.

— Послушай, первый парадъ былъ у насъ подъ окномъ. Осенью, въ дождь. Зеленыя шинели дымились. Я слушала, какъ они топчутся подъ окномъ. На ногахъ вмѣсто сапогъ намотано тряпье, а сапоги расквашены и всѣ пальцы наружу. Стоятъ по щиколотку въ грязи, подъ дождемъ. Имъ командуютъ — стройся, а они и не знаютъ, какъ строиться. Они все забыли. Они толкутся и топчутся . . .. Ну, такіе милые, ну такіе родные, — ты понимаешь, я плакала.

Смотрю я въ ея родные, каріе глаза, и легко, и тихо вспоминаю коричневое платье гимназистки и серебрянный ключикъ отъ зеленаго портфеля. Вспоминаю, какъ зимой она приходила съ мороза со своимъ мичманомъ и щеки горѣли, и морознымъ дымомъ пахли каштановые волосы, а на шелковистой, бурой лисицѣ таяли бисеринки петербургской изморози . . .

— А теперь ты видишь, какіе у насъ щеголи ходятъ. Всѣ въ бѣлыхъ рубахахъ и всѣ въ сапогахъ. Шагъ печатаютъ. Но когда запоютъ, я всегда плачу.

Словъ я не слышу, но знаю, что про Россію и у меня такая тоска, — понимаешь.

Осенній парадъ былъ, можетъ быть, въ тотъ день, когда генералъ Кутеповъ верхомъ, въ первый разъ, проѣхалъ въ лагерную стоянку. Шумѣлъ дождь и влажныя, темныя лохмотья тучъ волочились, цѣпляясь дымно за горы. Конь по брюхо забирался въ глинистую вязь дороги.

Для русскаго лагеря отвели мѣсто на землѣ какого то турецкаго полковника, по долинѣ, у горъ, гдѣ въ большую войну стоялъ англійскій лагерь. Англичане звали свою стоянку „Долиной розъ и смерти", потому что по разсѣлинамъ, надъ долинной рѣчкой, ползли гибкія заросли алаго шиповника и потому, что много умирало англійскихъ стрѣлковъ отъ укусовъ змѣй и москитной лихорадки.

Дымила сѣрымъ дымомъ долина. Оглядѣлся Кутеповъ и сильно ударилъ коня шпорами въ бокъ, и повернулъ обратно въ Галлиполи.

Тамъ, у мола, гдѣ пушечнымъ грохотомъ прокатывался прибой, съ ночи стояли выгруженныя на берегъ войска. Подстеливъ шинели въ грязь, лежали тифозные. Солдаты устали, солдаты спали, накрывшись съ головой мокрыми шинелями. Тамъ юнкера, топая захолодавшими ногами, пѣли. Пѣли потому, что замерзли, потому, что хотѣлось выть отъ голода и уже трудно было сжимать красные и мокрые, скорченные холодомъ пальцы. Вѣтеръ и дождь несли смутный вой.

— Мама, мама, что мы будемъ дѣлать
Когда настанутъ зимни холода . . .

Пѣсенка о мамѣ была первой русской пѣсней, какую услышалъ осенній Галлиполи.

— Когда я повернулъ коня и поскакалъ назадъ, — я понялъ что дѣлать — разсказывалъ генералъ о первыхъ дняхъ Галлиполи своимъ близкимъ.

На молу, гдѣ бѣжалъ стадами бѣлыхъ волковъ прибой, на холодномъ дождѣ, вповалку, промокшіе до нитки, топтались женщины, дѣти, солдаты. Это была измученная толпа, голодные, нищіе, вываленные изъ чернаго нутра транспортовъ, стонущая на льдяномъ дождѣ, поднятая вѣтромъ человѣческая пыль...

Оборванные погоны, сырыя шинели на голову мѣшкомъ. На молу никто не зналъ какая часть, какой полкъ. На молу — все смѣшалось.

И подъ дождемъ мокли, дымились и никли свернутыя знамена.

Кутеповъ вошелъ въ толпу. Кто-то не отдалъ честь. Рѣзко окрикнулъ Кутеповъ:

— Честь! Вы бѣженецъ, или солдатъ?

Кутеповъ понялъ, что безъ дисциплины не будетъ и арміи, а въ дисциплинѣ нѣтъ ничего мелкаго и неважнаго, а въ дисциплинѣ все важное и все главное, — даже и не поднятая къ козырьку рука и непришитый погонъ. Зналъ Кутеповъ отъ какихъ пустяковъ, отъ какихъ мелочей начался великій развалъ величайшей арміи . . .

И въ первые же дни приказалъ Кутеповъ кого-то арестовать и посадить на гауптвахту. Онъ, вѣроятно, такъ думалъ: армію ждетъ Россія, а чтобы сохранить армію, надобно сохранить дисциплину. Онъ, вѣроятно, думалъ, что такъ надобно Россіи.

И отсюда, отъ мола, гдѣ все смѣшалось и поникали знамена, пошла исторія знаменитой галлиполійской гауптвахты, или Губы въ — просторѣчіи . . .

Кутеповъ рѣшительный, желѣзнаго закала генералъ. Когда былъ онъ еще мальчишкой-гимназистомъ, онъ на особую стать воспитывалъ волю: заставлялъ будить себя ночью, одѣвалъ мундиръ и маршировалъ, маршировалъ, борясь со сномъ. Человѣкъ онъ добрый и простой, у него сощуренная, ласковая усмѣшка, заразителенъ его смѣхъ и широкое, загорѣлое его купецкое

лицо похоже на окладистый ликъ стольника московитскаго. Кутеповъ — человѣкъ простыхъ вкусовъ и простыхъ ощущеній. Весь онъ широкъ, низокъ и приземистъ. И когда онъ стоитъ, онъ точно вростаетъ въ землю. Вся его сила въ ногахъ и весь онъ похожъ на того вросшаго въ болотную петербургскую гать бронзоваго битюга, что сторожитъ съ бородатымъ понурымъ царемъ Санктъ-Петербургъ . . .

Началась исторія Губы. Губа — крѣпкій рычагъ армейской жизни, Губа — основной тонъ воинской лямки и воинскаго будня.

У квадратной маленькой Галлиполійской бухты, забитой легкими фелюгами, что качаютъ сѣрыми мачтами, а сами, какъ жеманныя птицы, — на набережной, гдѣ примостились на сѣромъ булыжникѣ низкія стайки соломенныхъ стульевъ турецкихъ кафе, — стоятъ въ выцвѣлыхъ рубахахъ, съ винтовками черезъ плечо, усатые русскіе часовые: за деревянными мостками поднимается, выложенная сѣрыми плитами, широкая стѣна Губы.

Разсказываютъ, что строили сѣрую стѣну Венеціанскіе рыцари. Разсказываютъ, что въ каменномъ голомъ казематѣ, подъ обросшими черной копотью балками потолка, отыскались запорожскія надписи, молитвы Йсусу плѣнныхъ Остаповъ.

Все Галлиполи, какъ пыльный, выжженный солнцемъ проѣзжій трактъ исторіи. Здѣсь Ксерксъ пороль ржавыми цѣпями Геллеспонтъ. Подъ Галлиполи стояли шатры крестоносцевъ. На другомъ берегу залива тянется желтая ленточка домиковъ греческаго городка, гдѣ родился по преданію Аристофанъ.

Галлиполи, — Городъ Красоты, сталъ теперь пустыннымъ Голымъ Полемъ, какъ прозвали его русскіе солдаты. Пропылили столѣтія и раскидалось теперь пыльное кладбище. Всюду, по узкимъ улицамъ, надъ бѣлыми площадями, у моря — подымаются теперь къ солнцу,

сѣченные изъ мрамора, бѣлые тюрбаны на покривленныхъ столбахъ турецкихъ могилъ.

У сѣрыхъ стѣнъ, разрушенныхъ землетрясеніемъ и огнемъ англійскихъ кораблей, и надъ песчаными откосами, сухо шурша, качается бурый репей. Узкія ящерицы вьются, скользя по могильнымъ плитамъ, гдѣ залегла въ змѣистыхъ завиткахъ арабскихъ буквъ вѣковая пыль. Шелеститъ подъ шагами выгорѣлая трава. Бѣловатый песокъ жжетъ подошвы. И всюду сухой шелестъ репья и ящерицъ. . .

А за Галлиполи, до синихъ, призрачныхъ горъ, — золотыя пшеничныя поля, гдѣ носятся черными хлопьями галочьи стаи. Трепещетъ воздухъ тревожнымъ трепетомъ ихъ крыльевъ. Сѣрыя каменныя мельницы, похожія на башни замковъ, едва шевелятъ парусиновыя круглыя крылья, обтянутыя по краямъ бичевой, точно черной паутиной. Шумятъ у дороги обсыпанные сѣрымъ пепломъ пыли узловатые и суровые платаны. Подъ ними въ полдень отдыхаютъ громадные голубовато-сѣрые волы съ раскинутыми бѣлыми рогами. Выкачены у воловъ добрые, темные и влажные зрачки и сочатся ихъ морщинистыя ноздри, а на мягкихъ, сѣрыхъ загривкахъ сверкаютъ подъ солнцемъ синія, стеклянныя бусинки отъ сглаза.

Оглянешься кругомъ, золотое марево, золотая тяжелая пыль, накаленные солнцемъ бѣлые тюрбаны, а за ними синее море.

Море синее, въ бѣлыхъ трепетныхъ дорожкахъ пѣны, гулкое ровнымъ дыханіемъ неумолкаемаго прибоя. Дыханіе моря носится надъ Галлиполи. Отходитъ, — приходитъ, обиваетъ своей соленой росой сѣрую пыль, грохочетъ гулкимъ грохотомъ, точно внизу, у темныхъ, камней, покатыхъ, какъ черепашьи спины, гдѣ, свистя, льется шумная пѣна, — скачутъ, гремя копытами тяжко вздыхающіе табуны.

Надъ синимъ моремъ синими призраками виснутъ горы. Такія нѣжныя, такія синія и такія женственныя....

Городъ Красоты, Галлиполи, —гдѣ сверкали подъ солнцемъ бѣлыя перья рыцарскихъ шлемовъ, гдѣ у свѣтло журчащихъ акведуковъ торговали рабынями со всего Востока, — выгорѣлъ въ вѣкахъ и уснулъ теперь обожженнымъ, пыльнымъ кладбищемъ.

И только у Губы, въ порту, шевелится жизнь.

На соломенныхъ стульяхъ, разставивъ ноги и выкативъ животы, обверченные грязными красными кушаками, сидятъ турки. Чистильщики сапогъ, чумазые еврейчата-еспаньолы пристроились у самой воды и звонко барабанятъ щетками о свои черные лари.

— Почистить, почистить.... Руссъ, карашо...

Подъ холщевыми навѣсами лавокъ, гдѣ пахнетъ корицей и лукомъ, на рогожахъ, громоздятся зелено-желтыя головы дынь, кажутъ багряныя, пухлыя щеки помидоры, а изъ темныхъ, мокрыхъ корзинъ свисаютъ матовыя гроздья винограда.

Бѣлыя фелюги, съ синими и зелеными узорами по бортамъ, съ легкой лебединой грудью, что ходятъ и въ Афины, и въ Одессу, качаютъ въ небѣ стройныя мачты. Въ солнечной водѣ сплетаются и рябятъ тѣни мачтъ, зеленыя и синія полосы, бѣлые паруса...

Протопотали, маслянисто сверкая глянцевитыми затылками, подъ сизыми касками, черные сенегальцы, — Сережками зовутъ ихъ русскіе солдаты. Потряхивая золотыми брелоками цѣпочки, спѣшитъ куда то грекъ, сдвинувъ желтое канотье на затылокъ, а потъ виснетъ капелькой съ горбатаго, хищнаго носа. Весело болтая, прошли коротконогіе французы, потные и красные, точно изъ горячей бани. Печатаетъ шагъ, ровно отмахивая руками, взводъ бѣлыхъ русскихъ юнкеровъ.

У порта — городской фонтанъ. Широкія, темныя плиты мостовой всегда мокры и блестятъ. Вода свѣжо звучитъ и сверкаетъ. Радостно звенятъ ведра и жестяныя баклаги. . . .

А въ кафе у порта — прохладно. Отъ воды по бѣлому потолку ходятъ солнечные водянистые разводы. По бѣлой известкѣ стѣнъ — свѣжая роспись: кальяны съ малиновыми чубуками въ золотомъ плетеньи, бутыли, налитыя прозрачнымъ, золотистымъ виномъ, серебристо-красные попугаи и огромныя, бѣлыя русскія ромашки. Живописалъ русскій. Русская роспись во всѣхъ турецкихъ кафе у порта.

Вечеромъ въ кофейнѣ „Олимпіумъ", у мола, зажигаютъ четыре мѣдныя керосиновыя лампы съ рефлекторами. И бренчитъ тамъ вечеромъ на піанино русская офицерская жена старые романсы „Пара гнѣдыхъ", и „Ахъ да пускай свѣтъ осуждаетъ". . . .

А на шаткой верандѣ, что выходитъ въ море, на поплавкѣ, между облѣзлыхъ, узкихъ, крашенныхъ въ бѣлое столиковъ, ходитъ русская ресторанная барышня. Подведены ея влажные глаза и губы тронуты карминомъ, какъ у всѣхъ ресторанныхъ русскихъ барышень въ Турціи.

Но ее здѣсь не тронутъ. Ее здѣсь не обидятъ чужіе. Ей не исщиплютъ до синяковъ руки, какъ щиплютъ въ кафе Стамбула. Она своя. Полковая Маша, идущая съ полкомъ походомъ еще отъ Ростова и Новороссійска. . . .

Осенью бывали кражи, были и грабежи, а по вечерамъ, на огни кафе, выходили изъ темноты блѣдные русскіе солдаты за милостыней. И былъ такой случай: въ греческій трактиръ, гдѣ выли кошачьи пѣсни загулявшіе фелюжники, пришелъ за милостыней солдатъ, а фелюжники затѣяли шутку: налили стаканъ водки, наложили горку мѣдныхъ лептъ. — Вотъ, русскій, бери вино и деньги, только стань на колѣни. —

Солдатъ пришелъ съ осенняго дождя. Въ тѣ дни вшивые, оборванные и голодные русскіе бродяги, выкиненные на берегъ съ кораблей, — забирались въ темныя кафе, къ огню, и брали одну чашечку густого,

горьковатаго кофе на десятерыхъ, лишь-бы набраться тепла, лишь-бы отогрѣться. Въ тѣ дни грохотало море и холодный дождь прихлестывалъ къ землѣ спящихъ вповалку. Въ тѣ дни стояла у всѣхъ на душѣ студеная, черная ночь.

Русскій нищій потоптался, наслѣдилъ опорками, и сталъ вдругъ опускаться на колѣна. И вотъ тогда то, такая ресторанная барышня, офицерская жена, ахнула, заломивъ руки, смахнула со стола рюмки и горку зазвенѣвшихъ лептъ и кинулась къ солдату.

— Не смѣй. Не становись на колѣни . . . Ты — русскій.

И было, вѣроятно, что-нибудь страшное въ ея крикѣ, потому что нищій бѣжалъ, а черноусые, заросшіе волосомъ, цѣпкіе, какъ обезьяны, фелюжники молча поднялись и ушли.

Зовутъ эту офицерскую жену Викой. У ней стриженые бѣлокурые волосы, пепельная родинка на кругломъ подбородкѣ и ясныя и веселыя ямочки, когда она улыбается. Въ прошломъ году она кончила гимназію въ Симферополѣ. Ея Коля заболѣлъ туберкулезомъ и вотъ теперь надо работать.

— Ну что же, какъ нибудь, какъ нибудь. Всѣ терпятъ, — говоритъ она и мгновенно краснѣетъ, перебирая худенькими загорѣлыми пальцами звонкіе стаканы

Было это въ декабрѣ. Когда студеная ночь шла у всѣхъ въ душѣ. Когда люди бредили опрокинутыми орудійными передками, взорванными броневыми машинами, кровью и дождемъ и угольными ямами кораблей, гдѣ несмываемая черная пыль забирается въ каждую бороздку кожи.

Было это въ декабрѣ . . . А теперь нѣтъ въ Галлиполи русскихъ нищихъ. Теперь цѣпкіе греки почтительно кланяются и турки медленно привѣтствуютъ русскихъ, прикладывая два пальца къ фескамъ.

Сонные парикмахеры въ накаленныхъ солнцемъ лавченкахъ, заглядывая на ваше лицо въ тусклое, засиженное мухами, зеркало, внимательно и любезно будутъ брать кончикъ вашего носа двумя пальцами, пахнущими лукомъ и табакомъ, и спрашивать, какъ заправскіе русскіе парикмахеры:

— Стричь, брить?... Карашо.

Черные сенегальцы-Сережки не понимаютъ грековъ и греки не понимаютъ Сережекъ. И идетъ у нихъ между собой разговоръ на языкѣ русскомъ. Сережки скалятъ зубы, вращаютъ тихо и ужасно бѣлками и жарко лопочутъ по русски:

— Сколько стоитъ? Дай еще... Иди сюда... Нѣтъ хорошо...

Турчанки записываютъ длинныя и плавныя русскія фразы, что слышатъ отъ жильцовъ-офицеровъ. Записываютъ легкими ленточками-каракульками и повторяютъ ихъ, и хлопаютъ въ ладоши, и радостно смѣются, слушая непонятную музыку чужого языка.

Гибкія какъ кошки турчанки влюбляются мгновенно и внезапно въ русыхъ гяуровъ и уже до десяти Аньфэ и Фатимъ стали женами русскихъ офицеровъ.

Русскій языкъ — разговорный языкъ Галлиполи. Маленькія турчанки, коричневыя, быстроглазыя, похожія на легкихъ блохъ, метя босыми ножками въ пыли и подхвативъ свои сатиновыя шальвары на руки, поютъ, ужасно визжа, одесскую пѣсенку, не то „Ахъ зачѣмъ эта ночь", не то „Полюбилъ всей душой я дѣвицу"...

Греческіе ребята, всѣ длинноносые и всѣ съ надутыми круглыми животами, съ утра играютъ въ солдатъ и командуютъ по-русски:

— Смирно... ш-а-г-о-м-ъ аршъ...

Ни русскихъ бродягъ, ни русскихъ нищихъ нѣтъ больше въ Галлиполи. Есть теперь обѣднѣвшій рус-

скій господинъ, до щепетильности чисто одѣтый, большой, сильный, добрый, но очень обѣднѣвшій, до того, что приходится загонять ему иногда обручальныя кольца, пару сапогъ, колоду картъ, американскую рубаху и облѣзлый мѣхъ, вывезенный еще изъ Москвы. Не безъ Кутеповской Губы обратился русскій бродяга въ русскаго господина.

Самъ Кутеповъ, получающій какъ и всѣ по двѣ лиры, какъ говорятъ загналъ пару хорошихъ сапогъ, женины платья и подаренную полкомъ бекешу, а генеральскія штаны замѣтно потерты, но щепетильно чисты.

Онъ говорилъ рѣдко, а если говорилъ — были просты и чисты его слова, какъ біеніе сильнаго сердца. Онъ говорилъ: — „мы русскіе, мы ея послѣдніе солдаты и насъ ожидаетъ Россія". И въ его простыхъ и ровныхъ словахъ простого, русскаго съ головы до пятъ, человѣка — каждый слышалъ біеніе своего сердца.

Говорилъ рѣдко, но чего только не дѣлалъ этотъ литой солдатъ. Приказомъ его суда полковники за пьянство разжаловались въ рядовые, назначалось по 15 сутокъ аресту за непришитую пуговицу, за рваную штанину. Для него были равны и офицеръ, и солдатъ, и онъ безжалостно, не взирая на лица, смывалъ всякую грязь, всякій нагаръ съ солдатской чести. Это онъ навалилъ на усталыхъ людей глухую лямку строевыхъ занятій, муштры, шагистики, козырянья. Это онъ взнуздалъ Галлиполи желѣзнымъ мундштукомъ желѣзной дисциплины . . .

Кто хотѣлъ уходить — тѣхъ не задерживалъ. Французы сгоняли людей въ Бразилію, громадный прокоптѣлый „Решидъ-Паша" много разъ теръ свой высокій бортъ у Галлиполійскаго мола и густымъ, сиплымъ гудкомъ звалъ русскихъ домой, обратно, на родину.

И уходили. А генералъ взялъ и выдумалъ еще такой странный приказъ. Всѣ желающіе могутъ уйти изъ арміи, за трое сутокъ заявивъ объ уходѣ. Но

если останешься послѣ приказа — конецъ. Ты солдатъ и будетъ твой уходъ какъ предательство, какъ бѣгство изъ линіи огня.

Галлиполи ходило ходуномъ подъ Кутеповскимъ мундштукомъ.

Въ дни приказа о свободномъ уходѣ изъ арміи были и такіе, кто думалъ, что вся армія разбѣжится отъ странныхъ приказовъ. Говорили: „Кому же достанетъ охоты пухнуть отъ фасоли и жрать чуть-ли не скорпіоновъ?"

Кутеповъ только щурилъ глаза, усмѣхаясь.

— Ничего. Такъ надо. Посмотримъ

И ушли въ бѣженцы изъ 30 тысячъ только три. Побѣдила его стальная вѣра въ стального солдата.

А Кутеповскіе приказы сыпались на оставшихся. Жесткіе, солдатскіе Выпилъ человѣкъ лишнее, нашумѣлъ — Губа на 20, на 30 сутокъ. Молодой солдатъ стянулъ на часахъ изъ американскихъ ящиковъ банку сгущеннаго молока — военная тюрьма.

Всѣ знаютъ Губу. Всѣхъ тянула Губа, даже музыкантовъ, что слишкомъ медлили на парадѣ съ тактами полкового марша. Армія тянулась на генеральскій блокъ. армія подтягивалась и незамѣтно шагнула черезъ Губу, черезъ внѣшнюю дисциплину, черезъ угрозу военнымъ наказаніемъ.

Русскихъ нищихъ, русскихъ воровъ и грабителей въ Галлиполи нѣтъ. За девять мѣсяцевъ галлиполійскаго сидѣнія былъ всего одинъ грабежъ, да двѣ кражи. Старый русскій юристъ, знатокъ законовъ и преступленій человѣческихъ, Кузьминъ - Караваевъ. когда былъ въ Галлиполи, все удивлялся, что за годъ армейской стоянки не было ни одного преступленія противъ женской чести. Старый юристъ говорилъ, что во всѣхъ арміяхъ есть обязательный процентъ такихъ преступленій и что русская армія единственная, гдѣ нѣтъ солдата, обидѣвшаго женщину . . . А ста-

рый турокъ, Мухмедъ-Али, — что торгуетъ у порта желтымъ англійскимъ мыломъ и османскими папиросами, теръ передо мною другъ о друга свои коричневые морщинистые пальцы съ ободками серебрянныхъ перстней, и силился разсказать беззубымъ запалымъ ртомъ, какъ хороши русскіе кардаши.

— Я старый аскеръ. Когда вашъ грандъ дукъ князь Микола ходилъ Стамбулъ брать — я аскеръ былъ. Потомъ французъ стоялъ. Англезъ стоялъ. Русъ нѣтъ воръ, русъ нѣтъ кулакъ. Русъ хорошъ, кардашъ, русъ, какъ мулла.

Круто тянулъ армію Кутеповъ, только исподволь, мало по малу, опуская блокъ, когда начали его понимать, когда даже нетерпѣливые, молодые поручики стали говорить, что безъ Кутепова расползлась бы армія въ человѣческую труху.

Былъ сначала такой приказъ: хожденіе по улицамъ разрѣшено до 7 часовъ вечера, а позже — на Губу. Потомъ разрѣшено до 9, до 10, до 11, теперь до 12-ти. Такъ. покоротку, опускалъ желѣзную узду генералъ.

И все падали по кривой внизъ вины губныхъ сидѣльцевъ. Отъ грабежа и кражи дошла Губа до дней своего паденія, до пьяныхъ дѣлъ. Тряхнетъ по всѣмъ десяти конвоецъ, получивъ свою лиру за мѣсяцъ солдатской тяготы. Пьяненькій военный чиновникъ завалится посреди улицы въ пыль, распѣвая надорваннымъ, бабьимъ голосомъ жестокій романсъ. . . Губа подберетъ.

Какъ разсказываютъ, по утрамъ, въ штабѣ, Кутеповъ, подписывая приказы по корпусу, спрашиваетъ теперь иногда коменданта:

— Ну сколько у васъ на Губу? Много сегодня... Давайте сажать?

И разсказываетъ, посмѣиваясь, армейская молодежь о такой вѣрной примѣтѣ: когда генералъ въ формѣ Дроздовъ, онъ добръ, безъ цука, безъ подтяжки и Губы не будетъ, когда онъ въ формѣ Корниловцевъ — всякое можетъ быть, и то, и се, а когда одѣнетъ Марковскіе погоны, обязательно погонитъ кого — нибудь на Губу.

Идетъ Кутепычъ по улицѣ. Въ черныхъ перчаткахъ, въ черной гимнастеркѣ. Идетъ, шагая крѣпко и широко. Съ нимъ шагаютъ безусые адьютантики въ ослѣпительно бѣлыхъ гимнастеркахъ, нѣжно звякая шпорками.

Коричневыя дѣвченки-турчанки разлетаются испуганной воробьиной стаей.

— Кутепъ-паша, Кутепъ-паша . . . .

Часовые сенегальцы, что, разставивъ ноги, стоятъ у домовъ, надъ которыми полощутся въ синемъ небѣ свѣжіе флаги Французской Республики, вскидываютъ коротко звякающія винтовки и радостно скалятъ зубы и держатъ на-караулъ, и по русски отдаютъ честь русскому генералу, приставивъ выгорѣлыя и узкія ладони къ вискамъ. На это Сережкамъ нѣтъ никакого приказа.

И отдаютъ они честь такъ, по сердечному удовольствію, также, какъ съ радостнымъ увлеченіемъ, прищелкивая языкомъ и вращая ужасно глазами, зовутъ Кутепова — Mon papa. . . O, mon papa . . .

Кутепъ - паша щуритъ блестящіе черные глаза. Смѣется. И всѣмъ смѣшно на Сережкино уваженіе.

Этого широкаго въ кости, съ лысымъ, крутымъ лбомъ крѣпкаго солдата поняло и уважаетъ Галлиполи. На Губѣ недовольные армейскими порядками сидѣльцы рѣшили, однажды, произвести выборы Комкора. Выборы вели по всѣмъ правиламъ — прямымъ, тайнымъ, равнымъ и всеобщимъ голосованіемъ. Много генеральскихъ фамилій поставили въ списокъ. Сидѣло тогда на Губѣ 50 человѣкъ и, когда записки были развернуты, всѣ 50 голосовъ были за генерала Кутепова.

Каменная сѣрая Губа, у которой стоятъ русскіе часовые, не застѣнокъ и не мрачная тюрьма. На самомъ дѣлѣ, это что то особое, галлиполійское, нигдѣ не виданное, — это просто Губа . . .

У Губы изъ сидѣльцевъ выбирается, старшій по чину, свой начальникъ гарнизона. У него свои адъютанты, у него свои приказы по Губѣ.

Комендантъ города пришелъ какъ-то навѣстить арестованныхъ. Спрашиваетъ:

— Что у васъ новый или старый начальникъ вашего гарнизона?

— Новый.

— А кто?

— Я.

— Ну здравствуйте, пансіонеры . . .

А вечеромъ начальникъ Губного гарнизона издаетъ такой свой приказъ:

„Сего числа я вступилъ въ должность начальника Гарнизона Губы и въ этотъ-же день Комендантъ Города немедленно сдѣлалъ мнѣ визитъ, за что и объявляю ему благодарность".

Если арестованныхъ много, Губа вывѣшиваетъ приказъ: „Комплектованіе нашего гарнизона идетъ чрезвычайно успѣшно. Благодарю генерала Кутепова за постоянное пополненіе". На Губѣ такая-же дисциплина, какъ и за ея стѣной. Чуть что, начальникъ Губного гарнизона — приказъ: „Сего числа поручикъ обратился съ разговоромъ къ часовому. Объявляю офицеру выговоръ за дисциплинарный проступокъ: съ часовыми не разговариваютъ".

У Губы есть и своя казенная печать: тощая, двухголовая птица: одна голова — генералъ Кутеповъ, а другая — комендантъ города, и каждый сжалъ въ лапѣ по маленькому офицеру, болтающему и руками и ногами...

Кутеповъ навѣщаетъ Губу въ канунъ всѣхъ большихъ праздниковъ и тогда дается „амнистія" и Губ-

ные сидѣльцы гурьбой шествуютъ ко всенощной...

Есть у Губы и свои поэты. Какой-то капитанъ, подъ долгодневнымъ арестомъ, сочинилъ цѣлую пѣсенку. Стихи — отчаянные, но на голосъ поется хорошо и главное — вся она пронизана насквозь свѣтомъ галлиполійскимъ...

Поетъ заключенный о суровомъ и строгомъ, отзывчивомъ и чуткомъ генералѣ, о его борьбѣ съ грязью, разгильдяйствомъ, солдатскимъ пьянствомъ, съ общимъ зломъ.

Поетъ заключенный, какъ генералъ требовалъ порядка, уставы арміи крѣпилъ, какъ онъ работалъ день и ночь и думалъ о Россіи.

Поетъ и о томъ, какъ понялъ генерала весь корпусъ, какъ очистились отъ зла бѣлые солдаты. И такъ заканчивается эта пѣсенка галлиполійской Губы:

Ошибокъ мы не повторимъ;
Грѣхи намъ наши ясны.
На подвигъ братьевъ вдохновимъ
И станетъ Русь прекрасна...

Надъ Губой добродушно посмѣиваются, ее не боятся, ее даже любятъ, какъ свое галлиполійское. Много разъ падавшій съ машинъ, съ перешибленнымъ носомъ летчикъ-наблюдатель, полковникъ Яковлевъ, маленькій, тощенькій, очень веселый человѣкъ и мѣстный острякъ, распѣваетъ про Губу веселыя пѣсенки на полковыхъ вечерахъ.

Ходятъ про Губу, какъ и про все, каррикатуры. Изображенъ, напримѣръ, со страшно выпученными глазами „Комендантъ города", а губа у него огромна, растянута и отвисла. И сидятъ на этой чудовищной губѣ маленькіе, дрожащіе, какъ мышенята, офицерики... Кутеповъ собралъ уже цѣлый архивъ каррикатуръ на себя.

На „Устной Газетѣ", подъ вечеръ, куда медленно тянутся послушать лекторовъ бѣлыя рубахи, — слу-

шаютъ весело газетныя небылицы. Лектора — сухопарые офицеры въ очкахъ изъ старыхъ студентовъ и скорая на языкъ, ловко звякающая шпорками, вчерашняя газетная молодежь, сообщаютъ и „Новости“ и „Волю“, и выдержки изъ совѣтскихъ газетъ. Эти странныя солдатскія собранія подъ открытымъ небомъ, въ какой еще арміи они есть?

Ведетъ устную газету черноглазый, уже сѣдой, но по мальчишески быстрый на ноги, представитель земско-городскихъ организацій Рѣзниченко, пронырливый въ работѣ, всюду поспѣвающій, проталкивающій въ армію все — отъ водопроводныхъ крановъ и подошвенной кожи до послѣднихъ парижскихъ изданій, влюбленный въ армію, какъ шестиклассникъ-гимназистъ.

Кутеповъ сказалъ, что хочетъ только правды, и Галлиполійская пресса рѣшила говорить правду. Когда по всему міру русскіе эмигранты впали въ розовую истерику подъ морозный ревъ пушекъ съ кронштадтскихъ портовъ, когда политики, какъ ошалѣлые игроки, начали бросать ставки на эволюцію большевизма, на крестьянскія возстанія, на голодъ, когда „Общее дѣло“ обѣщало черезъ двѣ недѣли поголовное бѣгство комиссаровъ изъ Кремля, здѣсь, въ синихъ сумеркахъ, сухопарые, очкастые лекторы, загибая тощіе пальцы, твердо чеканили:

— Не вѣрьте. Все это или истерика, или выдумка. Не сегодня и не завтра придетъ освобожденіе. Крѣпитесь духомъ. Не вѣрьте, тамъ ослѣпли въ политической мглѣ. Тамъ самообманъ, а правда проста: мы одни, мы полузабыты и мы должны крѣпить свой духъ.

Кромѣ живой говорящей прессы есть еще десятокъ своихъ журналовъ въ Галлиполи. Писаны всѣ они тщательно на машинкѣ, бережно вклеены на страницы акварели и карандашные рисунки. Какъ-то

интимны всѣ эти „Лучи“ „Лепты артиллеристовъ“, „Сергіевцы“, „Развѣй горе — въ голомъ полѣ“. Журналы полны робкихъ молодыхъ, воспоминаній, интимныхъ и грустныхъ исторій о молодой любви, добродушныхъ каррикатуръ на голодовку, дисциплину и Губу.

Курсы языковъ, гимназія, народный университетъ, библіотеки есть въ Галлиполи и почти каждый вечеръ тамъ идутъ тихія собранія, — и въ городѣ, гдѣ пріютился на горѣ, у коричневыхъ развалинъ древняго амфитеатра русскій гарнизонный театръ и въ лагеряхъ, гдѣ поставлены свои холщевые театральные балаганы, отъ которыхъ вѣеромъ расходятся вверхъ вырытыя въ землѣ квадратныя скамьи глиняныхъ русскихъ амфитеатровъ.

Вечеромъ, когда воздухъ начинаетъ свѣжѣть, — звучитъ темный Галлиполи. Тянетъ гдѣ-то высокую бархатистую ноту корнетъ-а-пистонъ. Волной доносится отзвукъ солдатской молитвы. Мерцающими зрачками, у мола, въ темной водѣ горятъ отраженія освѣщенныхъ оконъ кафе. Трепещутъ отсвѣты-лучи какъ длинныя, золотистыя рѣсницы.

Слышны плавные вздохи мѣдныхъ трубъ. Такіе плавные и такіе трепетные вздохи, точно мерцаніе огней въ темной водѣ у мола. Если вслушаться, станетъ тихо звучать печаль, потому что мѣдныя трубы поютъ старые русскіе вальсы, поютъ старыя увертюры русскихъ оперъ.

Волна вечерней молитвы, звучащая печаль мѣди, и огни, огни въ темной водѣ . . . .

Галлиполи вечеромъ звучитъ. Въ гарнизонномъ театрѣ идетъ „На бойкомъ мѣстѣ“, а можетъ быть „Нора“ или „Потонувшій колоколъ“. Въ самомъ свѣтломъ зальцѣ Галлиполи, въ греческомъ клубѣ, гдѣ горятъ газовыя лампы, даетъ концертъ Корниловскій или Алексѣевскій полкъ. Во всѣхъ полкахъ свои хоры, свои струнные оркестры. Въ земскихъ мастерскихъ

выловчились русскіе музыкальные мастера дѣлать гитары и скрипки изъ тонкой фанеры консервныхъ ящиковъ.

Галлиполи звучитъ . . . .

Въ сараѣ, около базара, въ центральной библіотекѣ, гдѣ днемъ, за длинными дощатыми столами, молча, чуть только покашливая, шелестѣли страницами завсегдатаи — выступаетъ вечеромъ художественная студія.

При свѣчныхъ огаркахъ, въ темнотѣ . . . Въ сараѣ — духота. Темныя стѣны въ капели пота, стѣны мокрыя, какъ отъ дождя.

Играетъ лысый, высокій скрипачъ. За нимъ маленькій Яковлевъ, ласково гримасничая, поетъ щуплымъ теноркомъ пѣсенку о консервахъ, о галлиполійскомъ Хазъ-Булатѣ, загнавшемъ коня и кинжалъ за двѣ лиры, о галлиполійскихъ будняхъ, о Губѣ, фасоли, слухахъ . . . . .

Темный сарай горячо и глубоко грохочетъ сдержаннымъ смѣхомъ. На шаткихъ вѣнскихъ стульяхъ, въ первыхъ рядахъ, Кутеповъ и его жена.

Стулъ подъ генераломъ крѣпко скрипитъ. Кутеповъ смѣется изъ самаго нутра. Онъ смѣется широкой, мягкой складкой на затылкѣ и покрякиваетъ съ хрипцой.

— Браво, браво . . . .

А на узенькой эстрадкѣ уже выстроился бѣлый хоръ. Здѣсь всѣ бѣлые, всѣ въ ослѣпительныхъ щегольскихъ рубахахъ, у которыхъ рукава перехвачены длинными обшлагами, какъ носили въ арміи при царѣ Александрѣ III. О полдень, когда солнце жарко лижетъ бронзовыя спины, я видѣлъ, какъ стираютъ эти рубахи на берегу моря . . . .

Хоръ выстроился. Свѣчи снизу освѣщаютъ лица и отсвѣты ихъ блистаютъ въ широко раскрытыхъ темныхъ глазахъ. Точно слезы остановились въ глазахъ у пѣвцовъ.

Поютъ „Часового". Темный сарай затихаетъ, ровно вздохнувъ съ первымъ вздохомъ Корниловской солдатской пѣсни.

Стоитъ на часахъ часовой. Онъ усталъ, онъ голоденъ, онъ одинъ... „Слышишь ли, ночь, я одинъ"? И ночь отвѣчаетъ глубокимъ дыханіемъ: „Слышу". И въ дыханіи ея поютъ далекіе отголоски „Коль Славенъ", смутно бряцаютъ боевые марши и летитъ волнующій шелестъ старыхъ знаменъ.

Поетъ часовой, что онъ голоденъ, усталъ, но онъ не опуститъ винтовку, не уйдетъ онъ съ поста. „Слышишь ли ночь"?

И отвѣчаетъ ночь глубокимъ дыханіемъ: „Слышу". И въ отвѣтѣ ея шопотъ вѣтра въ просторахъ полей, тихій гулъ колоколенъ, шелестъ пашень и пѣнье „Коль Славенъ".

У Кутепова шевелятся короткіе солдатскіе пальцы, поглаживающіе колѣни. Въ душномъ сараѣ проносится горячій трепетъ дыханія и подъ его порывомъ стелятъ свѣчи желтые языки. Влажныя блистанія свѣчей въ темныхъ глазахъ пѣвцовъ.

На дворѣ, въ синей мглѣ, красными точками мелькаютъ папиросы. Шпоры звякаютъ застѣнчиво и легонько. Расходятся, чуть свѣтясь, бѣлыя рубашки.

Я иду съ профессоромъ Даватцемъ. Есть такой приватъ-доцентъ математики, что изъ Харькова простымъ солдатомъ пошелъ на бронепоѣздъ. Теперь онъ артиллерійскій поручикъ.

Даватцъ въ мѣшковатой рубахѣ, худой, съ узкимъ породистымъ лицомъ, съ сѣдѣющей, стриженой головой. Простые офицеры надъ нимъ добродушно подсмѣиваются: „Дернулъ разъ шнуръ у боевой пушки и погибъ, помѣшался отъ любви къ арміи".

Даватцъ — тихій фанатикъ. Это — жрецъ арміи и его армейская служба — не служба, а какая то тихая литургія. Онъ самъ разсказывалъ, какъ болѣла разъ у

него голова. Нестерпимо болѣла, въ тотъ день, когда въ лагерь пріѣхалъ генералъ Врангель.

День былъ глухой и сѣрый. Высокій, тощій, какъ жердь, Врангель шелъ съ мола и вдругъ прорвалось солнце, засвѣтивъ солнечнымъ золотомъ пыль.

— Я посмотрѣлъ на Главнокомандующаго и у меня, знаете, головной боли какъ, не бывало...

Профессоръ снимаетъ очки и вижу я его глаза, голубые, чистые, влажные, точно въ прозрачной и легкой поволокѣ слезъ. Мы идемъ, разговаривая вполголоса.

— Меня фанатикомъ называютъ, энтузіастомъ. А я говорю, что у меня, какъ у всѣхъ, никакого энтузіазма нѣтъ.

Безъ энтузіазма, поругиваясь, нестерпимо уставая, несутъ опротивѣвшіе наряды и работы.

Безъ энтузіазма, размѣстясь на сваленныхъ грудой камняхъ, по выжженнымъ пустырямъ, называемымъ военными школами, чертятъ на ржавыхъ кускахъ желѣза траэкторіи и проэкціи.

И, конечно, безъ энтузіазма читаютъ новые приказы генерала Кутепова. Они идутъ на все и терпятъ все не потому, что боятся Кутепова, а потому, что хотятъ такъ идти и терпѣть. Они знаютъ, что только такъ и черезъ это будетъ жива армія, они знаютъ, что только такъ донесутъ до Россіи свои знамена, пронесенныя въ вѣкахъ сквозь кровь и огонь, черезъ пораженія и побѣды. Такова ихъ воля: молча терпѣть.

Въ міру, за Галлиполи, никто и не подозрѣваетъ, что передъ тысячными солдатскими толпами читаются здѣсь разбитныя газетныя небылицы. И кто знаетъ, не Штабъ ли въ своихъ цѣляхъ разрисовалъ чернымъ чертомъ Галлиполи передъ Парижемъ и Прагой.

— Тамъ заняли лживую позицію, тамъ дѣлаютъ непоправимую ошибку незнанія, — потирая ладонью глаза, тихо говоритъ мнѣ Даватцъ. — Тамъ думаютъ, что Галлиполи построено на обманѣ и палкѣ, а мы

живы, только внутреннимъ сознаніемъ своей надобности и нѣтъ у насъ ни палки, ни обмана, а правда и дисциплина.

Я смотрю сбоку на чуть выпуклые, близорукіе глаза приватъ — доцента отъ артиллеріи. И вспоминаю его наивный разсказъ о головной боли и о Врангелѣ.

О Врангелѣ въ арміи говорятъ мало. Врангель внѣ арміи, выше ея. О Врангелѣ не говорятъ какъ о Командующемъ. Для Галлиполи онъ выше Командующаго. За синей линіей моря, гдѣ идутъ рядами, томительно шумя, бѣлыя дорожки пѣны, тамъ передъ всѣмъ міромъ Врангель одинъ стоитъ за Россію и ея армію.

Разъ вечеромъ подошли ко мнѣ на улицѣ двое солдатъ. Оба пожилые, обсохлые и загорѣлые до черноты. Одинъ свѣтлоусый, а другой съ козлиной темной бородкой. Свѣтлоусый, въ синихъ погонахъ съ бѣлой полоской ефрейтора, внимательно оглядѣлъ мой помятый, сѣрый штатскій костюмъ и сказалъ несмѣло:

— А мы у васъ спросить хотимъ... Вы изъ Константинополя пріѣхали?

— Да.

— Ну что, какъ тамъ?

— Да что же, плохо.

Постояли. Свѣтлоусый почесалъ переносицу и кашлянулъ, точно собираясь признаться въ чемъ-то очень интимномъ и потому конфузливомъ.

— Знаемъ, что плохо... А генералъ Врангель какъ поживаетъ?

— Насколько знаю, живъ, здоровъ.

— Ну такъ-то. Чтобы здоровъ былъ, дай ему Богъ... А то слухи пущаютъ.

Отмахнули мнѣ честь и тронулись отъ меня оба вмѣстѣ.

Во Врангеля, какъ видно, влюбленъ не только харьковскій приватъ-доцентъ и это общее чувство иначе

не назвать, какъ мягкой и бережной влюбленностью, сквозящей во взглядахъ и улыбкѣ, когда они говорятъ о Врангелѣ... Есть въ Галлиполи узкоколейка, проложенная русскими руками отъ лагерей въ городъ для подвоза продуктовъ. Двѣ ржавыя полоски рельсъ пролегли въ сѣдомъ бурьянѣ, переваливаются через песчаные накаленные солнцемъ откосы. Русскіе строители выбрали профиль мѣстности удачно: въ лагери низкія, скрипучія и ржавыя площадки тянутъ лошадьми, а изъ лагерей площадки бѣгутъ сами подъ уклонъ. Часто, правда, такъ бѣгутъ, что вывертываются съ рельсъ...

Пріѣзжала въ лагери жена Врангеля. Худенькая, похожая на англійскую миссъ, очень веселая и живая, со сверкающей бѣлой улыбкой. Ѣхала она вагонетками. На узкоколейкѣ, гдѣ есть въ голомъ полѣ стоянки „Дрозды“ и „Корниловцы“, есть особые коменданты станцій. Одинъ изъ нихъ, передъ самымъ городомъ, когда вагонетки застопорились, рапортуетъ начальнику движенія:

— Имѣю честь доложить, что на ввѣренномъ мнѣ участкѣ никакихъ происш...

Баронесса легко спрыгиваетъ съ площадки и, смѣясь, оглядываетъ молодого офицерика.

— Типунъ вамъ на языкъ. Какъ разъ передъ вашей станціей нашъ поѣздъ потерпѣлъ крушеніе: вагонетка перевернулась.

Объ этомъ случаѣ разсказываютъ съ радостной усмѣшкой, какъ влюбленные.

Армія любитъ Врангеля. Армія знаетъ, что Врангель ея одинокая стѣна передъ всѣмъ міромъ.

А широкоплечій и крутой Кутепъ-паша въ самой арміи. Это ея нарѣзной винтъ, ея крутой и крѣпкій цементъ.

Въ Кутепъ-пашу не влюблены, но Кутепъ-пашу теперь понимаютъ и крѣпко уважаютъ. Понимаютъ въ Галлиполи, что Кутепъ-паша не самодуръ и не палачъ, а вѣрный, непреклонный русскій солдатъ.

Онъ твердо сжимаетъ свои желѣзныя перчатки. Когда онъ обдумаетъ и отрѣжетъ: дѣло конченное.

У него скошенный, гнѣвный лобъ, сощуренные, пристальные глаза, и неловкая, но упругая походка. Это сильный человѣкъ, не знающій сомнѣній. Онъ не любитъ словъ, потому, что считаетъ слова ложью и потѣхой болтуновъ.

Онъ думаетъ, вѣроятно, что рослый гвардеецъ въ медвѣжьей шапкѣ болѣе нуженъ Россіи, чѣмъ болтуны со скамей конвента.

Онъ шелъ по крови. Онъ и въ атакахъ подъ огнемъ шагалъ такъ же упруго и вперевалку. Онъ рубитъ въ щепья. Висѣлицъ не боится. Смертной казни во время войны онъ отмѣнять не будетъ.

Онъ литой и рѣшительный солдатъ, изъ тѣхъ литыхъ солдатъ, что дѣлаютъ человѣческую исторію. За нимъ чудится зарево пожарищъ, черныя змѣи штурмовыхъ цѣпей и грохотъ канонады и гулъ колоколовъ . . . .

Онъ всегда спокоенъ и всегда чуть насмѣшливъ. И въ насмѣшливости его много солдатской крутой соли.

Какъ-то французскій представитель вдругъ оффиціально увѣдомилъ генерала Кутепова, чтобы онъ не безпокоился, если будутъ произведены примѣрные боевые маневры французскимъ войскамъ. Генералъ оффиціально отвѣтилъ.

— Я не безпокоюсь, но необыкновенное совпаденіе: у меня тоже завтра маневры въ боевомъ снаряженіи; не безпокойтесь и вы.

И на завтра галлиполійскія юнкерскія училища и техническій полкъ вышли въ занятія съ винтовками и пулеметами. Кутеповъ на своемъ постоитъ. Это всѣ знаютъ.

Въ самые суровые дни Галлиполи, въ дни бразильскихъ посуловъ, въ дни, когда гудокъ „Решидъ-Паши" манилъ роднымъ домомъ, въ дни когда чер-

ныя дѣти прекрасной французской республики расклеивали приказы, чтобы русскіе солдаты не подчинялись своимъ командирамъ и въ дни приказа о выходѣ всѣхъ желающихъ изъ арміи — былъ покоенъ и чуть насмѣшливъ Кутепъ-паша.

Его короткіе солдатскіе пальцы слегка вздрагиваютъ и онъ, волнуясь, блѣднѣетъ, широко втягивая воздухъ раздутыми ноздрями; только тогда, когда проносятъ передъ нимъ истрепанныя свернутыя русскія знамена

Онъ и теперь сидитъ у себя, суровый Кутепъ-паша, на верху, въ маленькой, похожей на каюту, штабной пріемной, куда надо взбираться по крутой, свѣже выструганной, лѣсенкѣ и, можетъ быть, подписывая приказъ, щуритъ пристальные, черные глаза на коменданта:

— Много у васъ на Губу? Ну, давайте сажать...

Бѣлыя птицы.

Зной.

Небо заволокъ по краю темный дымъ зноя. Хоть бы мелькнуло бѣлой пушинкой облако въ безжалостной, горящей пустынѣ неба.

У сѣраго, низкаго дома Русскаго Штаба, гдѣ по стѣнамъ расклеены писанные на гектографѣ лиловые приказы и зажелтѣлые отъ жары, покоробленные листы „Общаго дѣла", молча топчется кучка бѣлыхъ рубахъ. Сапоги пыльны. Пропотѣлыя рубахи льнутъ на спинѣ къ лопаткамъ темными мокрыми пятнами. Газеты читаютъ молча. Водятъ по строкамъ усталымъ, темнымъ и тяжелымъ взглядомъ.

Нѣмая жара. Побѣлѣлъ подъ небесной синей пустыней Галлиполи. По бѣлой улицѣ у штаба клубитъ облако пыли. Идутъ съ работъ солдаты: сгружали французскіе консервы въ порту.

Обмотки въ пыли, смокшія рубахи разстегнуты по вороту. Идутъ, глухо и ровно топоча ногами, и вышибаютъ шагомъ, какъ стадо, лѣнивыя, сѣрыя струйки пыли. У всѣхъ обсохлыя, темныя отъ загара лица и у всѣхъ темны и усталы глаза. Звякаютъ жестяныя манерки при каждомъ шагѣ:

— Мы устали . . . . Устали . . . . Устали . . . .

Темная усталость въ каждомъ взглядѣ. Здѣсь не смѣются громко. Здѣсь не слышно говора во весь голосъ, окрика, звонкихъ, какъ затрещины, ругательствъ.

Обсохлые, коричневые, обтянутые лоснящейся кожей, лица и горячая усталость во взглядѣ. Они очень устали. Они воины: они жили, какъ игроки за сумасшедшимъ карточнымъ столомъ гдѣ ставки ставила смерть. Они жили, какъ на смутномъ маскарадѣ, какъ въ дьявольской панорамѣ, гдѣ пролетали скачущей путаницей бульвары городовъ, гулкіе вокзалы, теплушки эшелоновъ, деревни, проволочныя загражденія, мокрыя поля . . . По горамъ, по доламъ — нынче здѣсь, завтра тамъ.

Орелъ, Кіевъ, Новороссійскъ, Ростовъ, Царицынъ, Харьковъ, Симферополь. Перевернутыя задранныя пушки. Разгромленные въ щепья красные вагоны. Чернокрасные клубы пожаровъ, повисшіе надъ степными деревнями. Мѣсиво человѣчины въ угольныхъ ямищахъ пароходныхъ трюмовъ . . . . Нынче здѣсь — завтра тамъ.

И вотъ, точно Іисусъ Навинъ внезапно приказалъ стать солнцу. И вотъ, стоитъ одинъ долгій палящій день. Солнце больше не заходитъ. Зари не жди. Синяя пустыня неба, бѣлая пыль и томительный шумъ бѣлой пѣны въ синей пустынѣ моря.

Но это-же пройдетъ, вотъ это: Кутеповскіе приказы, опротивѣвшіе наряды, сѣрые консервы съ червями и черная похлебка и жалящая пыль и голодная тоска и сухой полушелестъ-полусвистъ выгорѣлаго колючаго репья . . .

Скоро пройдетъ, завтра пройдетъ. Пойдутъ въ Россію; генералы обѣщали черезъ два мѣсяца. На Батумъ пойдутъ, двинутся въ Сербію, въ Болгарію, въ Сибирь. Оркестры, радостно блистая, ударятъ походные марши... Но палящій день все стоитъ. И мѣсяцъ стоитъ палящій день и два и полгода. Завтра не бываетъ. Солнце больше не заходитъ. Не звучитъ свѣжая заря.

— Мы устали . . . Устали... Устали..., — звякаютъ солдатскія манерки. — Но мы ждемъ, мы ждемъ, мы ждемъ.

Солдаты прошли, метя за собой, какъ стадо, пологъ пыли.

Сонно покачивая сѣдоватыми сѣрыми мордами идутъ гуськомъ два вислоухихъ ослика. Они несутъ длинныя жерди, межъ которыхъ чуть покачивается холщевой гамакъ. Ослика хлопаетъ палкой по крутому тощему заду милосердная сестра, — бѣлая, простоволосая, и въ стоптанныхъ туфляхъ на босу ногу. Медленно, покачиваясь, прядя ушами и легонько переступая маленькими копытцами, ослики старательно несутъ гамакъ. Подъ бѣлой простыней вытянулось узкое тѣло съ запалымъ животомъ. Солнце маслянистымъ и тусклымъ пятномъ горитъ на бронзовомъ лбу. Это вѣроятно тифозный . . .

Ходитъ дизентерія въ бѣлыхъ лагеряхъ. Брюшной тифъ поднялся отъ высохлой и глинистой лагерной рѣчки и пошелъ шагать по палаткамъ россійской гвардіи. Москитная лихорадка, яростная галлиполійка. бросаетъ мгновенно людей на койки. Люди горятъ, обсыхаютъ потемнѣлыя губы. Въ глазахъ темный дымъ жара. Люди не выживаютъ отъ тифа. Люди, захваченные эпидеміей догораютъ мгновенно безъ силъ, безъ борьбы. По лагерямъ бродитъ туберкулезъ.

Россійскаго сыпняка нѣтъ, потому что здѣсь нѣтъ вшей. Всѣ держатъ чистоту, исподнее стираютъ, какъ заправскія прачки. Когда Кутеповъ навѣщаетъ полкъ

или училище бываютъ такіе его разговоры съ юнкерами и солдатами:

— Снимите-ка гимнастерку . . . Покажите подштанники, рубаху . . . Хорошо, чисто. А теперь развинтите обмотки, — покажите портянки . . .

Чистятся. Моютъ. И нѣтъ здѣсь россійскихъ вшей.

Но лагери устали отъ лихорадокъ, но лагери голодаютъ. Девять мѣсяцевъ медленнаго хмураго голода. Каждый день аспидно-сѣрыя жесткія волокна консервовъ и черная похлебка, гдѣ можно насчитать штукъ пятьдесятъ набухлыхъ водянистыхъ фасолинъ. Весь дневной паекъ можно ухватить одной горстью. Говорятъ, что особая комиссія изъ иностранныхъ врачей осматривала паекъ и признала, что слишкомъ мало для взрослаго человѣка на день:

Хлѣба — до 1 фунта.
Крупы — 1/4 фунта.
Консервовъ — 3/8 фунта.
Жировъ, сахара, соли по 1/20 фунта.

Мало хлѣба. Когда его рѣжутъ на пятерыхъ или шестерыхъ, одинъ ложится на койку и отвертывается къ стѣнѣ, а его спрашиваютъ:

— Кому?

Зажмуривъ глаза, называетъ тотъ имена. Хлѣбъ идетъ въ долю, поровну и голодной жеребьевкой достается удачнику лишняя краюшка.

День расписанъ. Идутъ часы занятій, а свободные отъ нихъ люди, на раскаленномъ бѣломъ пескѣ, у моря, лежатъ съ утра, нагишомъ. Обугленные солнцемъ люди лежатъ какимъ то темно-золотымъ путаннымъ узоромъ по бѣлому берегу. Купальщики гикаютъ и ныряютъ какъ тюлени. Купальщики мечутъ ослѣпительный блескъ брызгъ. Лежишь, раскинувъ руки и ноги. Солнце жарко лижетъ тѣло горячими языками. Грустно воркуетъ полдневный рожокъ въ казармахъ сенегальцевъ. Смотришь сонно, сквозь сол-

нечную одурь, какъ качается за бѣлой стѣной песка темное море, какъ купальщики плещутъ сіяя брызгами, смотришь на этихъ рослыхъ, въ темной, солнечной позолотѣ людей и думаешь, что они всѣ русичи, всѣ солнцевы внуки . . . .

А горячая дрема пеленаетъ. Съ утра, когда вольны отъ работъ и нарядовъ, лежатъ на бѣломъ берегу. Въ горячей дремѣ проходитъ день, какъ сонъ, и голода не слыхать въ солнечной одури. Отъ голода и лежатъ, чтобы къ вечеру разомъ проглотить паекъ, что можно весь ухватить одной горстью.

Хотѣли было рыбу ловить артелями для армейскаго котла, но Франція запретила воды для ловли. Волокнистыхъ консервовъ не жуютъ больще зубы и тошно хлебать темную горячую воду съ разбухлой фасолью. Тошно.

Въ лагеряхъ ходитъ голодная цынга. У русскихъ дѣтей и женщинъ босыя ноги часто обверчены у щиколотокъ марлевыми бинтами. На бронзовыхъ спинахъ, на рукахъ, по ногамъ — пролегли сизыя, широкія полуязвы, точно пятна пролежней. Отчего? Говорятъ отъ селитры. Въ консервахъ селитра и отъ нея эти селитрянныя пятна.

— Мы селитрой питаемся, такъ и говорятъ въ Галлиполи.

Ребятамъ и женатымъ полегче. Живой на ноги, черноглазый, всюду поспѣвающій земско-городской представитель Рѣзниченко подкармливаетъ обѣдами малосильныхъ и ослабѣлыхъ, выдавъ за шесть мѣсяцевъ работы четырехъ „питалокъ", больше 120 000 обѣденныхъ порцій. У порта, въ узенькой улицѣ, въ пыльномъ, загроможденномъ ящиками сараѣ прибитъ къ стѣнѣ маленькій выгорѣлый звѣздный флагъ Американской Республики и ходитъ тамъ заложивъ руки въ карманы добрый звѣздный дядя. Высоченный дядя, этотъ бритый и костлявый американскій

капитанъ, чуть подпрыгивающій, вѣроятно гдѣ нибудь простреленной, лѣвой ногой, всегда веселый и всегда посвистывающій.

Отъ звѣзднаго дяди пробираются въ лагери шерстяныя одѣяла, бумазейныя пижамы, пушистыя расшивенки, шарфы, сладкое молоко, какіе-то чудные канадскіе паштеты и игральныя карты и даже бритвенные помазки.

Что нельзя съѣсть — то перегоняютъ грекамъ на помидоры, дыни и хлѣбъ. Высоченный дядя знаетъ про это, но только весело посвистываетъ, глубоко заложивъ длинныя, какъ волосатыя оглобли, руки въ карманы штановъ.

Нечего добавить къ пайку. Развѣ что выйдутъ по вечеру съ удочками на камни ловить серебристую макрель и кефаль. Развѣ что нажгутъ угля и продадутъ мѣшокъ въ городѣ за 5—6 драхмъ. Сильно пали цѣны на уголь въ Галлиполи . . . Уголь жгутъ по черлымъ кустарникамъ, верстахъ въ двѣнадцати отъ лагерей. Въ жару опаляютъ себѣ лица надъ кострами, царапаютъ въ кровь руки колючими зарослями. И въ жару усталые и черные, какъ черти изъ пекла, тянутъ за двѣнадцать верстъ мѣшки на базаръ. А передъ этимъ, можетъ быть, ночь стояли на дневальствѣ и, безсонные, пошли корчевать . . .

Въ Галлиполи не говорятъ о голодѣ. Они не хотятъ признаться, что голодаютъ и если спросить ихъ, они отвѣтятъ:

— Да, конечно голодновато, а главное ужъ очень однообразно . . .

Они подсмѣиваются надъ голодомъ, также какъ и надъ Губой. Ходитъ даже пѣсенка:

Подъ знойнымъ небомъ Галлиполи,
Гдѣ лагери бѣлѣютъ въ полѣ,
Распухли люди отъ фасоли.

А когда въ Галлиполи ходили слухи, что пайка давать не будутъ, всѣ какъ то повеселѣли и любопытничали:

— Вотъ интересно, что же изъ этого выйдетъ?

Они шагнули и черезъ голодъ, такъ же какъ шагнули черезъ Губу, черезъ желѣзный блокъ и желѣзныя перчатки дисциплины.

И когда въ Галлиполи услышали, что голодаетъ Россія, когда запрыгали телеграммы о милліонныхъ толпахъ, сдвинутыхъ голодомъ съ Поволжья,—точно по уговору, по всѣмъ полкамъ и батареямъ порѣшили безъ разговоровъ отдать свой однодневный галлиполійскій паекъ голодной Россіи ея русскіе бѣлые лагери..

Въ лагери отъ штаба дорога прямая, по выжженнымъ золотымъ полямъ, у вѣтряковъ, вдоль каменистаго берега, гдѣ сквозятъ дали Дарданеллъ, ниже и ниже въ бурую, узкую долину, надъ которой сдвинулись синей, волнистой каймой задумчивыя горы.

Сѣрой тропинкой вьется по долинѣ выпитая зноемъ рѣчка. Это долина смерти и розъ, это галлиполійскіе лагери.

Длинные, бѣлые ряды палатокъ. Точно бѣлыя птицы легли рядами другъ подлѣ друга, свернувъ бѣлыя крылья.

Въ холщевыхъ стѣнкахъ палатокъ маленькія окошки съ холщевой рамой крестъ-накрестъ. У палатокъ тщательно утоптанныя, узкія тропинки, песчаные квадраты площадокъ, пыльные, выгорѣлые цвѣтники на каменныхъ газонахъ и сѣрые полковые вензеля и двуглавые орлы, сложенные изъ морскихъ галекъ. Далеко, межъ бѣлыхъ шатровъ, темно зеленѣютъ круглыя луковицы-маковки полковой церкви гвардейской артиллеріи. Зеленая церквушка, изъ вереска и платановъ, уже тронута желтизной, уже вянетъ и осыпается, но еще такъ зелено и такъ радостно сквозятъ въ синевѣ надъ бѣлыми шатрами русскія маковки.

За сѣрой рѣчкой, надъ обрывомъ высится кольцевое строеніе корпуснаго театра, гдѣ идутъ вокресныя лагерныя собранія.

Стоитъ на долинѣ, какъ часовой, раскидавъ тяжелую чащу вѣтвей, одинокій древній и тихій платанъ у палатки генерала Витковскаго. А кругомъ тянутся бѣлыя церкви, бѣлые театры, бѣлые солдатскіе дома. Тянутся бѣлые, черезъ рѣчку, тѣснятся къ синимъ горамъ. Бѣлыя птицы легли другъ подлѣ друга по долинѣ, свернувъ бѣлыя крылья.

Странный зодчій построилъ странный городъ въ долинѣ смерти и розъ. Подъ бѣлыми птицами живутъ бѣлые солдаты: артиллерія и пѣхота, молодая гвардія, дрозды, корниловцы, марковцы и алексѣевцы, и сводный гвардейскій батальонъ старыхъ С-Петербургскихъ семеновцевъ, измайловцевъ, павловцевъ.

А за рѣчкой у бархатистыхъ синихъ горъ, спятъ бѣлыя птицы-дома русской кавалеріи.

Тихій городъ въ долинѣ, гдѣ дышатъ тридцать тысячъ людей. Призрачный русскій городъ у синихъ галлиполійскихъ горъ.

Вдоль палатокъ, по передней линейкѣ, на узенькой желтой тропѣ, врыты столбы, крытые напокатъ соломой, точно легкіе соломенные зонты. Это стоянки полковыхъ часовыхъ.

Вдоль палатокъ, за передней линейкой, на желтыхъ исцарапанныхъ метлами площадкахъ есть и еще соломенные шатры: На четырехъ высокихъ жердяхъ постелена золотая пшеница. Чуть шевелятся длинные, ломкіе концы, шуршатъ, а подъ соломенными шатрами, въ тѣни, спятъ склоненныя, завернутыя въ чехлы русскія знамена.

Знамена молодыхъ дроздовъ и корниловцевъ и полковыя знамена россійской гвардіи. На древкахъ потлѣлые обрывки парчи и, тяжко струясь по древкамъ, свисаютъ внизъ тусклыя знаменныя кисти.

Стоятъ несмѣннымъ карауломъ, ночью и днемъ, часовые у спящихъ знаменъ Россіи...

Серебристый полусвѣтъ въ полковыхъ холщевыхъ церквахъ. Глиняный полъ, жестянныя паникадила, сбитыя и слитыя изъ консервныхъ банокъ, аналой, застеленный шитымъ въ красную строку деревенскимъ полотенцемъ. Съ низкихъ и приземистыхъ алтарныхъ створокъ смотрятъ святые. Свѣтятся серебромъ сѣдые кудерки бородъ и нимбы. Глаза огромны, сини и смотрятъ свѣтло и печально.

На алтарныхъ дверяхъ Архангелъ Гавріилъ, въ багряномъ плащѣ, несетъ бѣлую лилію, а ангельскій ликъ блѣденъ и строгъ и вѣетъ вѣтеръ назадъ каштановыя кудри со свѣтлаго лба.

Отворишь алтарную дверку, а сзади подогнаны струганныя дощечки съ консервныхъ ящиковъ, — подрамникъ, на который, натянулъ бурую холстину отъ мѣшка невѣдомый и нѣжный живописецъ. На холстѣ такъ и остались черныя французскія буквы С.—О. и длинный номеръ 48352...

Серебристъ полусвѣтъ и въ полковыхъ палаткахъ. Плетеныя изъ коричневатаго кустарника койки застелены сѣрыми одѣялами. У коекъ самодѣльные столики и хрупкія дощечки полокъ. И вдоль всей палатки обязательно прямая нитка дорожки, посыпанная желтымъ пескомъ.

Въ бѣлыхъ палаткахъ офицеры и солдаты спятъ вмѣстѣ, койка къ койкѣ. Въ бѣлыхъ палаткахъ одинаковая черная похлебка и сѣрые консервы для всѣхъ. Въ свое офицерское собраніе корниловцы приглашаютъ по воскресеньямъ въ гости солдатъ. На футбольномъ полѣ, гдѣ стонъ стоитъ въ дни полковыхъ матчей, гоняютъ кожанный мячъ вмѣстѣ съ солдатами генералы. Въ этомъ городѣ бѣлыхъ птицъ, у пшеничныхъ шатровъ, гдѣ стоятъ безсмѣнные караулы подлѣ знаменъ, — все идетъ тихою поступью и на особую тихую стать.

Солдаты, въ бѣлыхъ рубахахъ съ красными погонами и въ бѣлыхъ картузахъ, вродѣ тѣхъ кэпи, что носили при Скобелевѣ, унтеръ-офицеры старыхъ сроковъ службы и курносая мужицкая молодежь и сѣдые гвардейскіе знаменщики, помнящіе еще царя Александра III, и офицеры, — тонные петербургскіе гвардейцы и харьковскіе гимназисты, конторщики изъ Кіева и ростовскіе студенты, русскіе аристократы и усатые русскіе вахмистры изъ калужскихъ мужиковъ, произведенные въ поручики и въ полковники.

Живутъ вмѣстѣ. Ѣдятъ вмѣстѣ. Думаютъ вмѣстѣ. Знаютъ каждый жестъ, каждую привычку сосѣда. Знаютъ другъ друга до глубины, до послѣдняго нерва. И въ каждомъ — частица другого. Они причастились другъ друга. Они дышатъ, какъ одно.

Они бы разошлись. Они бы разбѣжались, повалили бы толпами въ Бразилію, въ Аргентину, въ Совдепію, куда угодно, къ черту, — если бы не слило ихъ въ одно и навсегда принятое ими молча тихое галлиполійское причастіе.

Въ бѣломъ городѣ птицъ нѣтъ калужскихъ мужиковъ, нѣтъ Ивановыхъ и Петровыхъ, нѣтъ вчерашнихъ красноармейцевъ изъ подъ Орла и добровольцевъ изъ Царицына, нѣтъ гусаръ, нѣтъ учителей гимназій и конторщиковъ. Въ бѣломъ городѣ — бѣлые солдаты. Они солдаты, они дрозды и марковцы, гвардейцы и кавалеристы, генералы и поручики, бомбардиры и ефрейторы. Они бѣлые солдаты, они не мужики и не баре, не бѣженцы и не эмигранты.

Они русскіе солдаты и они ждутъ, когда будетъ Россія.

Они знаютъ, что Россія будетъ и они ждутъ и несутъ несмѣнный караулъ у ея свернутыхъ знаменъ.

Тишина въ бѣломъ городѣ... У всѣхъ печаленъ и у всѣхъ свѣтелъ взглядъ, какъ у святыхъ на алтарныхъ створкахъ. И въ говорѣ, и въ манерахъ у всѣхъ

какая то особая, чуткая вѣжливость. Такая тихая и нѣжная вѣжливость бываетъ у очень интеллигентныхъ людей и еще у монаховъ.

— Странно и чудесно здѣсь, — говоритъ мнѣ мой собесѣдникъ, сухонькій веснушчатый полковникъ, съ рыжими, шевелящимися бровями.

Мы стоимъ съ нимъ у маленькаго оконца въ палаткѣ генерала Витковскаго.

— Я сюда пріѣхалъ изъ Греціи, — говоритъ полковникъ. — Тамъ, какъ всѣ, думалъ, что арміи нѣтъ, что она умерла, а увидѣлъ здѣсь что-то новое и странное. Я не могу еще понять, что это . . . Въ Галлиполи произошла какая то мобилизація человѣческаго духа. Здѣсь одна идея: Россія жива, Россія не опочила, Россія будетъ и, мы, русскіе солдаты, должны служить ей, гдѣ бы ни стояли наши полки: въ Галлиполи, въ Болгаріи, въ Африкѣ. Хватитъ духа — служи, значитъ ты русскій солдатъ. И служатъ. Я смотрю на нихъ и мнѣ чудесно, и странно. Ну, мы, офицеры — еще понятно, а есть солдаты, есть вчерашняя красноармейская темнота. Я не узнаю ихъ. Такихъ не было ни при царѣ, ни въ революцію, ни въ гражданской войнѣ. Ну, какъ бы вамъ пояснить . . . Ну,—вспомните хотя бы русскія стоянки, вспомните русскіе окопы, обязательно заваленные нечистотами черезъ край. А здѣсь какъ то особенно тщательно смотрятъ за собой, чистоты ищутъ, уборныхъ понастроили. Здѣсь пуританская чистота нравовъ. Подъ лагерями, въ палаткѣ, живетъ проститутка, жирная гречанка. Къ ней каждый день — заходятъ сенегальцы. А наши не ходятъ, никто, только отплевываются. Вы посмотрите, какой бѣлоснѣжной чистоты они рубахи носятъ. Они чистоты ищутъ. У нихъ душа обнажилась, чистая душа . . . Ну, вы возьмите хотя бы, что у насъ больше россійской матерщины не слышно, богохульствъ и солдатчины. Вы посмотрите, какъ они въ церкви молятся,

какъ газету устную слушаютъ. Они одной голой думой живутъ: Россія жива и Россія будетъ и ей должны служить, потому что она жива и потому что будетъ. Насъ тридцать тысячъ, ни горсти родной земли — и старыя знамена, и старые командиры. И я все думаю, съ чѣмъ бы сравнить насъ. Военная исторія не знаетъ такой арміи . . . Развѣ что суровые и тихіе полки Оливера Кромвеля.

Я смотрю въ низкое оконце на ровный пустырь долины, гдѣ бѣлѣютъ легкіе ряды птицъ до синихъ горъ. И чудится мнѣ на мгновенье, что вижу я сонъ. И во снѣ вижу я бѣлые русскіе лагери, можетъ быть Севастопольской обороны, можетъ быть на пустыряхъ Сангъ-Стефано, можетъ быть подъ Геокъ-Тепе.

Серебристъ полусвѣтъ и въ палаткѣ генерала Витковскаго. Какъ войдешь — досчатый столъ, гдѣ разложены военныя карты и зеленыя папки дѣлъ, а за бѣлой занавѣской другой досчатый столъ — это генеральская столовая. На полотняной стѣнѣ образъ: сѣдой святитель въ малиновыхъ ризахъ съ голубымъ омофоромъ.

Генералъ Витковскій, невысокій, мягкой поступи человѣкъ, съ маленькими, бѣлыми руками, въ легкихъ вѣточкахъ голубыхъ жилъ. У него сѣдѣющая, русая голова и выбритъ до синевы его круглый подбородокъ, а глаза свѣтлые и стальные, съ бѣлыми клинками холодныхъ зрачковъ. И отъ его лица, и отъ мягкой поступи, и отъ бѣлыхъ рукъ вѣетъ монашеской чистотой.

Генералъ Витковскій, о холодномъ безстрашіи и о неспѣшныхъ прогулкахъ котораго подъ прямой наводкой, въ огнѣ, знаетъ вся армія — пьетъ тихими глоточками изъ бѣлой, хрупкой чашки желтый чай. Онъ пьетъ чай съ сушенымъ черносливомъ и мягко говоритъ мнѣ:

— Вы его въ чашку положите. Вкуснѣе. И отъ желудка помогаетъ.

Безстрашный генералъ, холодный храбрецъ, подвигаетъ ко мнѣ бѣлой рукой блюдце съ черносливомъ и мягко поддерживаетъ разговоръ.

— А я въ Константинополѣ такъ и не былъ. И быть тамъ желанія не имѣю.

Въ бѣлой тишинѣ палатки я точно въ бѣлой монастырской кельѣ. И точно, когда то давно, — въ сѣверномъ нашемъ монастырѣ, вотъ такъ-же мягко угощалъ меня черносливомъ мягкій, тихій монахъ.

Я смотрю на маленькіе чуть даже женственные пальцы генерала и мнѣ кажется, что въ сумеркахъ, когда поютъ вечернюю зорю, онъ шепчетъ своему святителю въ малиновыхъ ризахъ съ голубымъ омофоромъ сокровенныя молитвы и креститъ быстро грудь пугливыми, легкими крестиками. Я думаю, что такіе же какъ онъ, тихіе, монашеской чистоты, капитаны Долгаго Парламента и лордъ-протектора Оливера Кромвеля ходили въ огонь съ библейскими полками круглоголовыхъ пуританъ, носившихъ псалтири подъ кожанными колетами

У генеральской палатки, подъ темнымъ сторожемъ платаномъ, стоитъ часовой, сабля на-голо. И когда выходитъ генералъ, часовой дергаетъ плечомъ и сабля мгновенно высверкиваетъ и гаснетъ.

Надъ бархатистой синевой горъ догораетъ, въ золотистыхъ дымахъ, багряный океанъ заката. Огненныя копья солнца меркнутъ. Рушатся громады облачныхъ башенъ. Отъ синихъ горъ, въ багряный океанъ, подымается все выше и выше, какъ приливъ, синяя вечерняя тишина.

Трубачъ поетъ вечернюю зорю.

Я его вижу. Онъ стоитъ далеко синей тѣнью. Полыхаетъ на мѣди трубы золото заката. Трубачъ поетъ вечернюю зорю, высоко подымая трубу на четыре стороны свѣта.

Зоря зоветъ кого то изъ за горъ, изъ вечерней дымной дали. Подымается короткими криками. Точно птица бьетъ багряными крыльями, порываясь летѣть на закатъ.

Я ее вижу, четкую, синюю тѣнь трубача. Полыхаетъ на мѣди багрянецъ. И не знаю я, о чемъ поетъ и кого кличетъ со всего свѣта синій трубачъ. Иду тихо къ бѣлымъ палаткамъ Дроздовъ. Передо мной, по песку тропы движется моя длинная, вечерняя тѣнь.

Въ палаткѣ молодыхъ генераловъ, Манштейна и Туркула, сѣрый полусвѣтъ. Палатка глубоко врыта въ глинистую землю и надо сходить три-четыре земляныхъ ступеньки внизъ. Въ палаткѣ влажный холодокъ погреба.

Досчатый, непокрытый и длинный, какъ гробовая домовина, столъ вдоль палатки. Посреди его, изъ круглаго прорѣза доски, торчитъ коричневый столбъ, что держитъ палаточный шатеръ.

Какъ холодная келья палатка молодыхъ генераловъ, какъ казематъ, гдѣ исписываютъ стѣны короткими и тоскующими строками-криками, гдѣ рѣжутъ и царапаютъ на камнѣ вензеля именъ, молитвы и проклятья... У меня тихая тягостность на душѣ. Мнѣ чудится, что подъ этимъ сѣрымъ холоднымъ шатромъ, низко у земли, бьются связанныя птицы — гордыя и страшныя.

Генералъ Туркулъ сидитъ у стола, закинувъ ногу на ногу. Чуть поблескиваютъ его высокія и мягкія офицерскія голенища. Крутая грудь облита темной гимнастеркой. Генералъ узокъ въ таліи. Его длинные, крѣпкіе пальцы, въ ободкахъ золотыхъ колецъ, мнутъ нервно папиросу и обсыпаютъ на столъ желтый волокнистый табакъ.

Туркулу лѣтъ 25 и похожъ онъ на всѣхъ корниловцевъ и дроздовъ — всегда сухощавыхъ, черноволосыхъ и черноглазыхъ. У Туркула маленькая, причесанная тщательно на проборъ, литая голова, узкій носъ съ горбинкой и черная нитка усовъ надъ молодымъ

ртомъ съ обсохлыми губами. Онъ сидитъ закинувъ голову и въ сѣромъ полусвѣтѣ чуть ощеренъ его ротъ, и тускло поблескиваетъ золотая пломба зуба.

Я смотрю, какъ онъ смѣется, отчего внизъ отъ раздутыхъ крыльевъ носа пролегаютъ до губъ глубокія черныя складки. Я смотрю, какъ онъ просто и шумно, по солдатски, сплевываетъ. Смотрю въ его глаза. Неуловимъ ихъ цвѣтъ. Коричнево-сѣрые съ желѣзнымъ отливомъ. И чувствую я, межъ его и моими глазами, зыбкую, стеклянную стѣну.

Генералъ Манштейнъ оперъ подбородокъ о руку. Другой руки у Манштейна нѣтъ до плеча. Генеральскій погонъ виситъ на одной пуговкѣ.

Манштейнъ рыжеватый шатенъ. Ему лѣтъ 28. Лицо его по актерски выбрито. Страдальчески, какъ у Гаршина, приподняты черныя бровки, и чудится мнѣ, что его молодое лицо, какъ трагическая маска всѣхъ невысказанныхъ страданій бѣлой арміи . . . Вотъ точно поднялъ онъ усталые глаза отъ ветхой Книги Бытія и горитъ въ страдальческомъ взглядѣ невысказанная печаль.

Туркулъ говоритъ провинціальнымъ говоркомъ. Онъ говоритъ „вы́соко“ вмѣсто „высоко“. Онъ сплевываетъ черезъ зубы на земляной полъ. Плечистый и смѣшливый, онъ похожъ на грубоватаго юнкера. Онъ похожъ на провинціальнаго семинара, вышедшаго въ гвардейскіе прапорщики.

Генералъ Туркулъ и генералъ Манштейнъ — самые страшные солдаты самой страшной гражданской войны. Генералъ Туркулъ и Манштейнъ это дикое безуміе дроздовскихъ атакъ во весь ростъ безъ выстрѣла, это нѣмое бѣшенство непобѣдимыхъ дроздовскихъ маршей. Генералы Туркулъ и Манштейнъ -- это безпощадные массовые разстрѣлы, лохмотья кроваваго мяса и подбородки, раскроенные вороненной рукоятью нагана, и гарь яростныхъ пожарищъ, вихрь безумія, кладбищъ, смерти и побѣдъ.

Генералы Туркулъ и Манштейнъ — нечеловѣческое безстрашіе храбрецовъ, миѳъ о дроздахъ, что боевыхъ героевъ ставили подъ разстрѣлъ за украденную мужицкую курицу, что ходили подъ огонь пулеметовъ не сгибаясь, что однимъ ночнымъ переходомъ и мгновенной атакой сметали красныя дивизіи.

Туркулъ и Манштейнъ — героическій и смертельный полетъ бѣлой Арміи. Полетъ израненнаго орла, обреченнаго смерти.

Туркулъ и Манштейнъ — миѳическая оборона Крыма, линія огня, линія крови, отступленій въ слѣпую вьюгу, стремительныхъ атакъ, паденій полетовъ беспощадной борьбы до конца, до послѣдней обоймы, до послѣдняго вздоха, до послѣдней мертвецкой корчи.

Туркулъ и Манштейнъ — мальчики-офицеры. И можетъ быть Туркулъ не больше, чѣмъ брошенный въ пекло революцій войнъ, провинціальный семинаръ, выросшій до масштабовъ историческаго героя, легендарнаго солдата, живого миѳа бѣлой войны.

Манштейнъ страдальчески подымаетъ узкія бровки.... Манштейнъ — Безрукій Чертъ, холодный, какъ машина, истребитель комиссаровъ. Манштейнъ — героическая легенда бѣлой Арміи. Манштейнъ — страшная выдумка огня, смерти и крови. Манштейнъ — дыханіе, сердце, ритмъ бѣлаго боя.

Манштейнъ худенькій бритый офицерикъ, пѣхотный мальчикъ-поручикъ, какіе погибаютъ безъ крика, безъ имени, безъ слѣда въ первомъ же бою, вдохновенно и радостно усмѣхаясь своей молодой смерти. Погибаютъ среди милліоновъ другихъ такихъ же безслѣдныхъ, для которыхъ исторія не оставляетъ даже буковки петита на своихъ страницахъ.

Манштейнъ, бритый, безрукій пѣхотный поручикъ случайно не погибъ въ первомъ бою. И потомъ во всѣхъ бояхъ сохранила его для себя исторія, прибе-

регла, выбрала изъ милліоновъ безслѣдныхъ — какъ символъ, какъ отмѣченнаго избранника и любимца.

Еще генералъ Деникинъ произвелъ въ генеральскіе чины отца Манштейна, стараго армейскаго полковника, добряка и добраго собесѣдника за стаканомъ добраго стараго вина. Произвелъ его въ генералы — „за героическіе подвиги сына".

Старикъ Манштейнъ ходилъ за сыномъ въ бои и подавалъ подъ огнемъ пулеметныя ленты. Сынъ и отецъ часто сиживали на бивуакахъ за одной бутылкой вина. Въ бои ходилъ и еще одинъ Манштейнъ: маленькій кадетикъ, внукъ Манштейна-старика отъ другого сына.

Въ одномъ бою внукъ былъ раненъ. Упалъ, трепеща отъ боли, а потомъ поползъ къ дѣду и сталъ звать его сквозь стиснутые зубы.

— Дѣдушка, слышишь, я раненъ.

Старикъ Манштейнъ подтянулъ его на свою тачанку, уложилъ на солому, шинелью накрылъ и говоритъ, поглаживая его горячую мальчишескую голову.

— И хорошо, что раненъ. Такъ и надо, что раненъ. И ничего, что больно. Терпи, солдатушко . . . .

Генералъ Манштейнъ приподнялъ тонкія бровки, сжалъ ихъ страдальческой складкой и смотритъ поверхъ моей головы въ высокое окно, въ даль. Онъ точно не слушаетъ, что разсказываетъ Туркулъ . . .

— Помню я нашу атаку на красный татарскій полкъ, — разсказываетъ Туркулъ. — Мы поднялись, встали и двинулись безъ выстрѣла. Татары залегли у станціи . . . Наши атаки всегда встрѣчали безпорядочнымъ огнемъ. Хлестали пулеметами, а мы шли и знали, что не выдержатъ нашего ровнаго шага и нашего молчанія. А здѣсь идемъ, а навстрѣчу намъ тишина. Приближаемся — тишина . . . Кое-кто началъ замедлять шагъ, кое-кто, волнуясь, заспѣшилъ. Всѣ волнуются. Тишина . . . Идемъ безъ звука . . . . И

въ ту секунду, когда можетъ быть мы не выдержали бы тишины и бросились назадъ, татары поднялись, машутъ руками, втыкаютъ въ землю штыки. И не кричатъ, а какъ то повизгиваютъ отъ страха . . . Тогда мы весь ихъ полкъ цѣликомъ взяли.

— А помнишь какъ курсантовъ захватили? — двигаетъ тонкою бровью на Туркула Манштейнъ.

— Еще бы, говоритъ Туркулъ и откашливается. Ихъ то не щадили. Да они и сами не просили пощады.

— Они очень хорошо дрались, — мягко, чуть заикаясь и подбирая слова вмѣшивается въ разговоръ Манштейнъ. — Тамъ много прежнихъ кадетъ среди курсантовъ. Изъ кадетскихъ корпусовъ пошли въ красные курсанты, какъ пошли бы въ юнкерскія училища. И еще мальчишки—коммунисты. Одного, помню, повели на разстрѣлъ, а онъ смѣется и поетъ „Вставай, проклятьемъ заклейменный“ . . .

Манштейнъ снова задумался и лицо его понѣжнѣло.

— Знаете, вѣдь много приходилось разстрѣливать, — говоритъ Туркулъ. . . У меня въ полку есть цѣлыя роты изъ плѣнныхъ красноармейцевъ. Безпощадный отборъ приходилось вести. Выстроишь плѣнныхъ и спрашиваешь: „Коммунисты есть?“ Молчатъ. Подходишь къ первому: „Есть коммунисты?“ Отвѣчаетъ: „никакъ нѣтъ“. „Разстрѣлять“. Отведутъ и разстрѣляютъ. Спрашиваешь слѣдующаго: „есть?“ — „Такъ точно, есть“. — „Кто?“ — „Вотъ этотъ“, а другіе покрикиваютъ: „и этотъ. И тотъ сукинъ сынъ“... До десяти коммунистовъ на сотню плѣнныхъ приходилось разстрѣливать. Остальные дѣлались прекрасными, безстрашными, желѣзными солдатами. . .

Я смотрю на Туркула. Стеклянная зыбкая стѣна между мною и имъ. Невидимая стѣна между нами. . . Провалъ крови, трупнаго чада, окаряченныхъ мертвецкихъ рукъ, разбрызганнаго желтоватымъ студнемъ

мозга. Этотъ черноволосый, съ узкой таліей юноша исчадіе войны, какова она есть, какой она будетъ всегда. Войны безъ розовыхъ словъ и безъ бѣлыхъ перчатокъ. Видно, что не поцѣлуи надушенныхъ аркадскихъ пастушковъ и не игра въ оловянные солдатики — человѣческая война, звѣрь бряцающій. Исчадіе лязгающей смерти, рева пожаровъ, вопля разстрѣловъ и ярости бряцающаго шага атакъ, этотъ черноволосый мальчикъ. Эго человѣкъ другого радіуса, другого измѣренія жизни. Говоритъ онъ спокойно, не торопясь, и чуть ощеренъ его ротъ и тяготитъ меня почему то его тускло поблескивающая въ сѣромъ полумракѣ золотая пломба.

Манштейнъ легко поводитъ на меня страдальчески приподнятой бровью и вдругъ улыбается мягко и робко.

— Да, много смерти. Очень много смерти. . . . И, знаете, всѣ умираютъ молча. Поставятъ подъ дуло винтовокъ и они жмутся, безъ звука. Блѣдные и понурые. И не крестятся.

— Только, какъ бы сказать, — интеллигенты что ли,—тѣ пощады просили,—прибавляетъ Туркулъ.—Разные красные командиры и разные политкомы. Омерзительно унижались. Сапоги цѣловали. Называли вашимъ высокопревосходительствомъ.

— Да, — мягко соглашается Манштейнъ. А такъ, всѣ умираютъ молча, понуро. И я не знаю, почему они такъ умираютъ. Привыкли они за нѣсколько лѣтъ къ смерти.

Генералы вспоминаютъ . . . Вспоминаютъ, какъ едва не захватили легендарнаго командира красной конницы Гая, вахмистра изъ калмыцкихъ казаковъ. Гай бѣжалъ, а автомобиль его вмѣстѣ съ шофферомъ достался Дроздамъ. Шофферъ, — кто его знаетъ, можетъ быть и коммунистъ, — сталъ генеральскимъ шофферомъ и часто ночью возилъ ихъ въ одиночку, неиз-

вѣстными полевыми дорогами. Въ Севастополѣ, когда уходили, шофферъ просилъ разрѣшенія остаться и ему разрѣшили . .

Генералъ Туркулъ закуриваетъ папиросу и откашливается.

— Вотъ, а теперь стоимъ здѣсь. Но я знаю, что какъ только услышатъ команду въ походъ — всѣ встанутъ и пойдутъ. Всѣ ждутъ напряженно, чтобы встать. Есть и такіе, что не выдерживаютъ. У меня въ полку восемь офицеровъ застрѣлилось. Хорошіе все офицеры. И не оттого, что жить плохо, что жить скудно или скучно, а оттого, что тоска по родной землѣ. Тоски не выдержали.

Стрѣлялись потому что напряженія не выдерживали. Души лопались. Армія — это дѣйствіе это движеніе и борьба, а не замкнутая стоянка. Люди изъ арміи, воины, офицеры — годами, ото дня на день, бросали смерти свою жизнь, какъ ставку. И за такую ставку требовали всей жизни до-полна, брали жизнь лихорадочно и стремительно. И если могъ бы еще терпѣть замкнутую недвижность ожиданія бездѣйственный штатскій, — какую силу души надо собрать, до какой высоты напряженнаго духа надо подняться этимъ дѣйственнымъ людямъ, этимъ людямъ, мѣнявшимъ каждый день свою жизнь на смерть, этимъ замкнувшимся теперь въ Галлиполли, людямъ изъ Арміи?

Туркулъ разсказываетъ о самоубійствахъ, а я вспоминаю почему-то того молодого гвардейскаго офицера, съ которымъ вчера познакомился въ Галлиполійской кофейнѣ. Гвардеецъ говорилъ мнѣ, позвякивая длиннымъ точенымъ ногтемъ мизинца о край стакана.

— Часто о Петербургѣ думаю. Внезапно, безъ всякаго повода. Вдругъ поплывутъ въ глазахъ набережныя, какая-нибудь улица на Петербургской сторонѣ, у которой и названіе забылъ. И до острой боли хочешь вдругъ бокалъ хорошаго стараго вина, тон-

каго запаха духовъ. Это — страшно. Это все незамѣтныя испытанія. Это прошлое. И надо много силъ чтобы не думать, очень много силъ... Но мы вышли изъ прошлаго. Въ Галлиполи съ насъ смылся нагаръ гражданской войны, умерло прошлое. Мы какіе то голые здѣсь. Мы не старая царская армія и не армія гражданской войны. Мы новое. Мы живемъ одной обнаженной болью, что нѣтъ нашей милой Россіи, но что она будетъ; какая не знаемъ, только не та мертвецкая, что сегодня...

— Напряжены всѣ, — говоритъ и Туркулъ, дѣлая глубокую затяжку папиросой, — такъ напряжены, что хоть походомъ идти на Константинополь. Вѣдь мы его могли бы взять и, захвативъ суда какія ни попало, обратно въ Россію... Мы ждемъ мирнаго дома, мы ждемъ Россіи.

Легко и страдальчески поднимаетъ узкія брови генералъ Манштейнъ и смотритъ далеко-далеко, мимо насъ, въ просторы.

— Да, Россію ждутъ...

Ждутъ. И до бѣла накалены души, недвижнымъ ожиданіемъ. И у нѣкоторыхъ лопаются, а у другихъ твердѣютъ, какъ несгибаемая сталь . . . Разсказываютъ, что совсѣмъ недавно, когда уже всѣ знали, что Галлиполійскому сидѣнію конецъ, когда знали, что армію продвинутъ на Балканы, — юнкера одного изъ училищъ, эти безусые, на-подборъ здоровые, крѣпкіе, загорѣлые кутепчата, — стали вдругъ рыть себѣ землянки для зимней стоянки, да Кутеповъ запретилъ особымъ приказомъ.

Загорѣлая бѣлозубая молодежь, эти русскіе гимназисты, реалисты, студенты, вышедшіе изъ доменной печи боевъ, — не боятся ни зимы, ни голода, ни тоски, ни тифа. Они будутъ стоять, они землянки выроютъ, они на дождѣ будутъ спать, они будутъ стоять пока нѣтъ приказа идти. Ожиданіе Россіи . . . Трепетъ

ожиданія въ дыханіи бѣлыхъ птицъ, въ шелестѣ знаменныхъ кистей, свисающихъ съ древковъ. Ожиданіе Россіи въ зовущемъ полетѣ вечерней зари, что поетъ на всѣ четыре стороны свѣта синій трубачъ. Оно въ каждомъ тихомъ взглядѣ. Оно въ снахъ, въ неслышныхъ молитвахъ о которыхъ знаютъ только бѣлыя птицы, что пали, свернувъ крылья, легкими рядами по синей долинѣ.

Туркулъ и Манштейнъ провожаютъ меня . . . Я понимаю теперь почему мнѣ казалась ихъ генеральская палатка холоднымъ казематомъ, гдѣ стѣны исписаны нѣмыми криками вензелей и проклятій, гдѣ нетерпѣливо бьютъ крыльями гордыя и страшныя плѣнныя птицы. Я понимаю теперь почему въ лагеряхъ были сплетни о попыткѣ этихъ генераловъ учинить походъ на Константинополь. Понимаю и то, какъ разъ ночью зимой вдвоемъ бросились они въ ледяную воду въ атаку на французскій миноносецъ. Сидѣли въ кофейнѣ у мола. И внезапно рѣшили взять атакой миноноску, маячущую у мола въ туманѣ сторожевыми огнями. Выхватили ноганы, оба прыгнули, поплыли. . . Ихъ поднялъ на бортъ русскій баркасъ, а они недовольно ворчали.

Они идутъ рядомъ. Проносятся у меня ихъ разсказы изъ за стеклянной зыбкой стѣны, проносятся ихъ короткія, спокойныя слова о великой крови. Я пожимаю руку Манштейну и, замѣтивъ ободокъ обручальнаго кольца на сухомъ пальцѣ, спрашиваю:

— Простите, вы женаты?

— Да. Жена со мною, а дѣвочка моя умерла . . .

Бѣлыя птицы замерли въ долинѣ. Синяя ночь опускается съ горъ и уже разстилаетъ надъ птицами свои синія нѣжныя ризы, унизанныя звѣздной пылью.

Я знаю, что стоятъ часовые у соломенныхъ шатровъ, гдѣ дремлютъ свернутыя знамена. О прекрасной родной землѣ шепчутъ звѣздамъ клочья вѣковой знаменой парчи.

И слушаютъ часовые ночь, звѣзды и шопотъ парчи.

Мы идемъ къ городу съ артиллерійскимъ поручикомъ Мишей, застѣнчивымъ и тихимъ, какимъ могъ бы быть поручикъ Ромашевъ изъ Купринскаго „Поединка". Миша бросилъ университетъ и пошелъ добровольцемъ подъ Ростовъ. Онъ много знаетъ разсказовъ изъ за стеклянной стѣны, много медленныхъ стиснутыхъ словъ о великой крови. Онъ до дна глотнулъ изъ прорвы войны — этотъ русоголовый большеглазый мальчикъ съ чуткими нервными ноздрями. Когда онъ говоритъ, его лицо блѣднѣетъ, а ноздри расширяются и тревожно трепещутъ.

— Я пошелъ, потому что вѣрилъ въ наше дѣло, — говоритъ Миша. — И въ арміи вся молодежь такая какъ я — вѣрующая. Мы пошли потому, что вѣра наша была — какъ обреченье. И можетъ быть всѣ мы были обречены смерти за Россію... Вы думаете въ душѣ мы не знали, что насъ трагически мало; что большевикамъ помогаетъ историческая удача, а мы обречены умереть. Пусть исторія безжалостна, но она справедлива, и дѣло не въ насъ, а въ исторической справедливости, дѣло въ нашей вѣрѣ, что Россія тихая, а не бѣшеная. Что Россія будетъ построена миромъ, а не войною. Мы вѣрили, обреченные, — вы понимаете?

— Да.

— Ну вотъ. Мы воевали и намъ казалось, что за насъ думаютъ. Намъ бы только побѣдить, а за насъ построятъ... Только теперь мы увидѣли, что кругомъ насъ пустота. Мы одни. А за Галлиполи, за нашей монастырской стѣной, пустота и опустошенныя души. Вы понимаете меня?

— Да, да. Говорите — отвѣтилъ я на его нервный, страдальческій вопросъ.

— Тамъ говорятъ, что мы мертвецы. Но мы не мертвецы, пока жива та, за которую мы пошли уми-

рать. Не генераловъ и не царей мы хотѣли, мы не пушечное мясо генеральскихъ авантюръ, а мы живое мясо самой Россіи . . . Вотъ насъ вырвали съ кровью. Мы не могли устоять. И вотъ мы здѣсь. Можетъ быть мы и мертвецы, если мертвецъ сама Россія. Можетъ быть мы и не нужны, если не нужна Россія. Но она жива и развѣ вы не понимаете, что живы и мы, какъ она?

— У насъ въ Галлиполи произошелъ какой то отборъ, — добавилъ Миша помолчавъ. — Кто не выдержалъ испытаній — ушелъ. Ушли тѣ, кто не хотѣлъ нашихъ консервовъ, ушли тѣ, кто не могъ тосковать въ бездѣйствіи, кто задыхался и не перешагнулъ черезъ желѣзную дисциплину. Можетъ быть и сейчасъ еще есть консервники и подавленные, но большинство, я это знаю, готово на новыя испытанія. Мы всѣ здѣсь испытуемые за Россію. Здѣсь испытаніе, здѣсь, въ Галлиполи, — исторія ставитъ свою пробу будетъ ли Россія или ея не будетъ. Мы очистились отъ всѣхъ гноищъ войны, мы обѣлились, мы стали живой идеей Россіи и, если она жива, не мертвецы и мы, потому что мы несемъ въ себѣ Россію какъ солнце. И потому то такъ здѣсь у всѣхъ горитъ душа.

Миша закинулъ свое поблѣднѣлое лицо къ небу и неровно дернулъ чуткими ноздрями.

— Душа у насъ горитъ вотъ какъ звѣзда.

Молчу я, но я понимаю. Миша — обращенный. Поручикъ Миша навѣки принялъ причастіе бѣлаго ордена Россіи, поручикъ Миша живетъ для того, чтобы умереть за свою Прекрасную Госпожу.

Мы идемъ голубоватой лунной дорогой. Далеко, въ лунной мглѣ, влажнымъ длиннымъ воемъ перекликаются шакалы. Шакалы ночью выходятъ изъ гибкихъ зарослей и сѣвъ на заднія ноги воютъ кругомъ бѣлыхъ лагерей, поднявъ сѣдыя морды къ лунѣ.

— Вы слышите, — говоритъ Миша. — Шакалы воютъ. Они воютъ каждую ночь. И чудится иногда, что весь міръ кругомъ насъ какъ ночь и воетъ какъ шакалъ.

— Здѣсь, въ Галлиполи мы провѣряемъ себя до глубины, — наклоняется ко мнѣ Миша. — Засматриваемъ во всѣ закоулки душъ нашихъ. Вѣдь Галлиполи это прежде всего, это какъ бы сказать — само воспитаніе, закалъ воли и духа. Здѣсь мы дѣлаемъ все, чтобы придти въ Россію сильными, выкованными, желѣзными людьми, чистыми духомъ. И вся наша армія, все наше терпѣніе — это великій русскій закалъ . . .

— Я не знаю, конечно — говоритъ Миша, легко трогая меня за рукавъ. — Вѣдь всѣ мы въ арміи такіе обыкновенные, плохіе и хорошіе, но рядовые и незамѣтные люди . . . Но кажется иногда, что наша армія — это національная воля Россіи. Понимаете, — всѣ удары, вся буря смерти и разрушенія дѣла, брошена большевиками противъ воли, противъ силы и мысли русскаго народа. Имъ надо было задушить національную волю, смять, растоптать въ крови чрезвычаекъ, чтобы, на опустошенномъ мѣстѣ, вытравивъ Россію, производить свою вивисекцію коммуны и интернаціонала . . .

Рука Миши легко вздрагиваетъ на моемъ локтѣ:

— Имъ почти удалось. Внѣшне, — національную волю они раздавили штыками. Палъ Корниловъ, Деникинъ, Колчакъ, Врангель. Истреблена подлинная русская демократія — казачество . . . Имъ удалось и не удалось совершенно. Русская Армія въ Галлиполи стоитъ подъ Корниловскими знаменами.

— Это та армія, которую повелъ мятежникъ Корниловъ. Не забывайте, онъ повелъ ее противъ российскаго безволія, противъ смуты словъ и смуты душъ, противъ бунта. Есть русскіе мятежники за бунтъ противъ Россіи. И есть мятежники противъ русскаго бунта

за Россію. Мы — мятежники противъ бунта. Вся исторія нашей бѣлой борбы — національный мятежъ и національное возстаніе противъ безвольнаго, безпощаднаго и подлаго русскаго бунта...

— Мы — національная воля. Потому мы и живы, потому и безсмертны. Мы одни, насъ мало, но слышимъ мы оттуда, изъ Россіи, многомилліонное, живое наше дыханіе. Россія будетъ, — мы знаемъ, и если будетъ Россія, будемъ и мы, потому что мы ея безсмертная воля къ жизни. Мы — безсмертные...

Голубоватой лунной мглой свѣтитъ закинутое лицо поручика.

Миша, поручикъ, господинъ поручикъ, полковникъ, капитанъ, канониръ, рядовой, — не все ли равно кто, чьихъ именъ я не знаю... Миша, господинъ поручикъ, но васъ же матросы прикололи штыкомъ еще за Нарвской заставой въ Петербургѣ, когда мятежные полки Корнилова хлынули назадъ отъ революціонной столицы.

Господинъ поручикъ, капитанъ, унтеръ-офицеръ безъ фамиліи, но вы же, стиснувъ зубы, пали подъ огнемъ пулеметовъ въ Москвѣ. Васъ бросили на гнилой соломѣ въ казачьей хатѣ, потому что были вы въ агоніи. Вы задыхались и сгорали на лазаретныхъ койкахъ въ сыпнякѣ. Замерзшимъ васъ сняли съ коня. Подъ Манычемъ и Орломъ, и у Курска — вы пали на дорогѣ судорожно раскинувъ руки, отбросивъ и нагрѣтую выстрѣлами, почернѣлую винтовку, и зеленый вещевой мѣшокъ...

Господинъ поручикъ, капитанъ, ефрейторъ, бомбардиръ, пулеметчикъ безъ фамиліи — вы же были забыты, брошены въ дрожащей и животной сумятицѣ Новороссійска и Одессы. Васъ заѣли вши въ холодныхъ, кишащихъ трюмахъ транспортовъ. Въ Константинополѣ, за колючей проволокой лагерей, васъ спих-

нулъ въ ямицу братской могилы подкованный сапогъ голубого французскаго сержанта...

Господинъ поручикъ, блѣдный мальчикъ, съ тихо пылающими темными глазами, идетъ со мной рядомъ и свѣтится въ лунной мглѣ его закинутое, тонкое лицо.

Дорога намъ мимо русскаго братскаго кладбища. Высоко на горномъ откосѣ, межъ легкихъ тѣней крестовъ, сѣрѣетъ тяжелый каменный колоколъ русскаго надгробья, памяти запорожцевъ, почившихъ въ турецкой неволѣ, памяти плѣнныхъ 1854 года, памяти русскихъ воиновъ 1920—1921 года.

Есть бронзовая доска на надгробіи, слова приказа генерала Кутепова: „Пусть каждый отъ генерала до солдата принесетъ по камню на сооруженіе этого памятника...“ И сюда изъ города и лагерей много дней шло тихое паломничество русскихъ полковъ, сѣдыхъ генераловъ, ребятъ, священниковъ, солдатъ, милосердныхъ сестеръ, юнкеровъ, больныхъ изъ лазаретовъ...

Терновые вѣнки изъ ржавой колючей проволоки, скрещенныя пушки и мечи, вырѣзанные изъ жести. Бурые могильные холмы застилаютъ георгіевскія ленты. Легкіе желѣзные кресты сквозятъ лунной мглою. Ночь ходитъ межъ могилъ, тихая ночь...

Вотъ онѣ безымянныя, братскія.

Вотъ могилы дѣтей. Вотъ жестяная дощечка „Бомбардиръ артиллерійской батареи Симонъ Кругловъ“, надписи чернильнымъ карандашемъ „Милому брату“, „Спи мирно, другъ мой“. Вотъ могила ранняго поэта Рутковскаго, юнкера, сгорѣвшаго отъ лихорадки весной. Могильныя, посвѣжѣлыя отъ дыханія ночи травы, можетъ быть шепчутъ недосказаннымъ смутнымъ шопотомъ его раннихъ стиховъ... объ огняхъ родныхъ городовъ, о туманныхъ и чужихъ огняхъ родныхъ городовъ, откуда уходятъ ночнымъ походомъ, отступая. О сѣрой сказкѣ осенняго дождя, когда дремлется въ сѣдлѣ на долгихъ кавадлерійскихъ маршахъ, объ утрен-

немъ пѣньѣ серебряной сигнальной трубы, поднятой къ зарѣ и къ солнцу . . .

Русское бѣлое кладбище у бѣлаго призрачнаго русскаго монастыря. Кладбище павшихъ у незримыхъ стѣнъ Iерусалима. И тѣхъ, кто стрѣлялся сгорая въ огнѣ медленнаго ожиданія и тоски, и тѣхъ, кто молча истаивалъ въ лихорадкахъ, отъ голода, подъ огненной лапой сыпняка.

У сѣраго надгробья стынетъ тѣнь часового. Надъ его головой, на желтоватомъ мраморѣ, распласталъ грозныя крылья двуглавый орелъ, впилъ узловатыя когти и рветъ мраморъ, а орлиныя очи заведены гнѣвной скорбью.

Часовой пристально смотритъ вдаль, сквозь лунную мглу, туда, гдѣ спятъ бѣлыя птицы, застланныя нѣжнымъ покровомъ звѣздныхъ ризъ.

Розсыпь звѣздъ.

Я сплю надъ обрывомъ, у моря.

Завернешься въ одѣяло, ляжешь на нагрѣтую землю, на колючки сѣдой травы и всю ночь шумитъ вѣтеръ съ моря мягкими порывами въ ушахъ и свѣжимъ трепетомъ проносится по лицу. На разсвѣтѣ рубашка и одѣяло влажнѣютъ отъ росы и морской свѣжестью пахнутъ и лицо и руки.

Надъ обрывомъ спятъ въ перемежку солдаты и офицеры. Въ деревянныхъ домахъ духота ночью невыносима. Спятъ они, такъ же какъ я, на землѣ, завернувшись въ одѣяла, и только кое кто моститъ изъ досокъ отъ консервныхъ ящиковъ скрипучія и невѣрныя ложа, чтобы не хватилъ въ одночасье за ногу скалапендръ или скорпіонъ.

По обрыву въ глинистомъ буромъ пескѣ вырыты землянки, куда забираются на корточкахъ. И подъ нами, ниже на площадкѣ, ночью такъ же раскинуты на

землѣ спящіе. Застѣнчивымъ дозоромъ ходитъ надъ всѣми нами ночью тоненькій серебристый и очень стыдливый рогъ луны, что мочитъ и волочитъ въ темномъ морѣ свою узенькую играющую цѣпочку.

Нижняя площадка обрывается къ морю. Тамъ сѣрая дорога, сѣрые заборы, наложенные изъ камней добраго размѣра. Еще ниже бѣлѣетъ круглымъ фронтономъ домъ, гдѣ живетъ генералъ Кутеповъ. А за домомъ гулко ходятъ туманные табуны прибоя.

— Здр... Здр... Ващество!

Рвется и звенитъ рано утромъ ясный воздухъ отъ бодраго привѣтствія Кутеповскихъ конвойцевъ. Генералъ встаетъ по первому солнцу.

Шевелятся и у насъ на обрывѣ. Заспанные, натягиваютъ, посапывая, на подштанники желтые солдатскіе штаны. Присѣвъ на землю обматываютъ ноги бурыми англійскими обмотками — такими длинными, въ сажень длинной.

Простоволосыя, блѣдныя, носатыя гречанки съ черной гривой нечесанныхъ волосъ, стукаютъ ставнями и стоятъ въ квадратахъ оконъ въ однѣхъ сорочкахъ, вытряхивая на огороды свои бебехи.

Бебехи звучно хлопаютъ въ утренней тишинѣ.

Солнце идетъ изъ синей стайки тучъ, только что вздремнувшихъ подъ самый разсвѣтъ. Вотъ было оно багровымъ сумеречнымъ кругомъ, а теперь какъ круглый щитъ, литой изъ яснаго желтаго золота. Ласковый комушекъ золотого котенка лѣзетъ по ниточкѣ въ легкую синь неба.

И на травѣ ясной и желтой, какъ золото,—трепетъ синихъ тѣней. Ясное золото на солдатскихъ лицахъ, капельки мокраго золота въ ихъ сощуренныхъ, заспанныхъ глазахъ. Мой сосѣдъ, высокій, костлявый вольноперъ изъ авіаціоннаго отряда задираетъ къ небу лицо. Вольноперъ курносъ и одинъ глазъ у него карій,

а другой чисто голубой. Разноглазый вольноперъ неисправимый весельчакъ и балагуръ. . . . .

— И-го-го-го, — привѣтствуетъ онъ утро радостнымъ ржаніемъ.

А золотой котенокъ уже выпустилъ когти и затылку горячо и надо вставать, надо вытряхиваться со своими бебехами.

Въ синей пустынѣ ходитъ ослѣпительный золотой тигръ, запускающій въ землю милліоны яростно раскаленныхъ когтей.

Въ нашемъ сѣромъ домѣ, внизу, возня: варятъ утренній чай. Подъ обваленнымъ каменнымъ навѣсомъ очага разложили костеръ и ставятъ, въ очередь, на огонь свои манерки и жестянки, въ мохнатомъ пуху чернаго нагара и копоти.

Ходятъ въ однихъ штанахъ, безъ рубахъ. Бронзовыя спины и бронзовыя лица въ сажѣ. Глаза у всѣхъ точно подмазаны. Ходятъ какъ черти у пекла, колдуютъ надъ булькающимъ кипяткомъ, присѣвъ на корточки, вмѣстѣ, и солдаты и офицеры.

Мягко уступаютъ другъ другу. Мягко, чтобы не замѣтили, стараются оказать другъ другу тысячи маленькихъ услугъ, тысячи маленькихъ, маленькихъ человѣческихъ ласкъ.

— Господинъ поручикъ, я вамъ хворостку подкину.

— Ничего, ничего, спасибо . . . Подкиньте пожалуйста.

— Вы бы чай засыпали, Сапуновъ, а то кипитъ.

— Сею минуту, г-нъ ротмистръ, только на верхъ сигану.

— Да зачѣмъ же сигать, вы у меня щепотку возьмите.

Здѣсь всѣ на вы, здѣсь въ каждомъ жестѣ мягкая предупредительность и мягкая вѣжливость. . . .

Очагъ дымитъ. Дымъ рѣжетъ глаза и всѣ трутъ ихъ, щурятся, отфыркиваются. точно молодые щенята-черти у пекла.

Когтистое солнце уже накалило пыль повисшую надъ бурой площадью. У грузовыхъ машинъ начались утреннія занятія.

Обучаютъ мотору. Стоитъ на пустырѣ у грузовыхъ машинъ кучка бѣлыхъ рубашекъ и одна изъ нихъ поясняетъ баскомъ, съ бархатистой хрипцой.

— Ежели теперь цилиндра наклонена, то и происходитъ взрывъ . . . Вамъ понятно?

— Точно такъ. Ежели цилиндра наклонена . . .

— Балансируя и покачиваясь движутся гуськомъ по дорогѣ у каменной сѣрой гряды турецкаго кладбища солдаты съ самодѣльными коромыслами черезъ плечо. Это дневальные тащутъ свѣжую воду отъ фонтановъ.

Радостно звенитъ въ жестяныхъ баклагахъ вода. Плескаетъ, и за дневальными, по сѣрой пыли, тянутся влажныя темныя кляксы расплесканной воды.

Идетъ съ баклагами и мой сосѣдъ вольноперъ. Увидѣлъ меня, сощурилъ сначала карій, а потомъ голубой глазъ и улыбается.

— Берегитесь . . . Мужи-водоносцы шествуютъ.

За каменной грядой, на пустыряхъ, гдѣ точно циклопами сложены ряды тяжелыхъ плитъ-скамей, сидятъ бѣлыя стаи бѣлыхъ рубахъ. Сумрачно хмурятся подъ солнцемъ, шелестятъ тетрадками, пишутъ; а у маленькаго офицерика-профессора посверкиваютъ на небо огромные очки снопами ослѣпительныхъ лучей.

— Теперь мы проведемъ парабулу къ точкѣ Б . . .

На ржавой желѣзной доскѣ начерчены мѣломъ сегменты и секторы, падающія арки линій, бѣлая путаница алгебраическихъ формулъ.

Къ щелинкамъ въ каменной грядѣ припали дѣвченка-турчанка и турчаненокъ въ красной фескѣ, горящей на солнцѣ, какъ рубинъ. Оба вытянули золотистыя тонкія мордочки и смотрятъ во всѣ коричневые

глаза на снопы ослѣпительныхъ лучей отъ страшныхъ очковъ эффенди. Смотрятъ и пугливо щебечутъ.

У лавки земско-городского союза стоятъ гуськомъ военныя жены. У многихъ ребята на рукахъ. Ждутъ въ очереди земскаго хлѣба и земской манной каши.

Къ пляжу, надвинувъ на лобъ фуражки, тянутся купальщики. Ровно и крѣпко хрустя сапогами протопоталъ бѣлый караулъ. Всѣ отмахиваютъ вразъ руками. Отмахнутъ и хватятъ крѣпкій припѣвъ.

— Эй, да, горе не бѣда . . .

А когтистое солнце стелетъ уже золотую мглу зноя. Духота давитъ къ полдню какъ жерновъ. Въ полдень по обгорѣлымъ пустырямъ сонно бродитъ бѣлая пыль.

Глянцевитые отъ пота Сережки полузасыпаютъ на часахъ, и пошатываются, разставивъ циркулемъ черныя, худыя ноги. Лавки кое гдѣ запираютъ ставнями. Шершавыя, лохматыя собаки забираются въ мраморныя раковины изсякшихъ фонтановъ, ищутъ холодка и тѣни на прохладномъ камнѣ.

Въ кофейняхъ къ полдню тянутъ изъ бѣлыхъ чашечекъ горьковатый кофе запивая каждый горячій глотокъ холодной прозрачной водой изъ запотѣлыхъ звонкихъ стакановъ. Въ лавкахъ у стоекъ русскіе солдаты подолгу, не спѣша, торгуютъ пухлощекіе помидоры и дѣлятъ межъ собою дыню, нарѣзавъ ее влажными оранжевыми ломтями. На стойкѣ — горки зеленыхъ корокъ и мокрая каша волокнистыхъ дынныхъ зеренъ.

Пыльная пустота.

Въ золотистой мглѣ зноя умолкаетъ море. Море глохнетъ и заволакивается сиреневымъ туманомъ.

И до вечера зной и бѣлая пыльная пустота.

До вечера, когда солнце будетъ желтѣть и остывать и синія стайки тучъ начнутъ искать подлѣ него легкаго ночлега. До вечера, когда надъ синей линіей

горъ подымутся и станутъ недвижно сверканья солнечныхъ копій. И застынутъ поднятыя копья солнечной стражи и будутъ гаснуть въ вечернемъ океанѣ. А потомъ и багряный океанъ отольетъ, отхлынетъ за горы, безъ звука.

И синій и нѣжный вечеръ зазвучитъ надъ Галлиполи.

Одинокимъ звукомъ, воркуя, запѣлъ гдѣ то корнетъ-а-пистонъ. Гдѣ то звучатъ два женскихъ голоса: стройно и ласково. Поютъ изъ „Пиковой дамы“.

— Ужь вечеръ, облаковъ померкнули края...

Вѣроятно ученицы художественной студіи разучиваютъ дуэтъ для вечерняго концерта.

Въ грузовомъ автомобилѣ, у котораго утромъ поучалъ кто то кучку бѣлыхъ рубашекъ взрывамъ въ наклоненномъ цилиндрѣ, — засѣли теперь на протертое кожанное сидѣнье двое солдатъ. Поставили ноги на круглый руль, перегнулись до подбородка. На колѣняхъ у одного раскрыта книга. Оба наклонились къ бѣлымъ страницамъ и слышу, какъ одинъ твердитъ:

Der Garten ist grün, der Garten ist grün...

А другой отвертывается отъ сосѣда въ сторону и повторяетъ скороговоркой:

Ich bin, du bist, er, sie ist...

Учатъ чужой языкъ. Учатся здѣсь на курсахъ иностранныхъ языковъ, въ народномъ университетѣ, въ школахъ, въ гимназіи, въ библіотекѣ. Учатся, переписывая учебники, по одной тетрадкѣ. Учатся запоемъ. Былъ уже выпускъ молодыхъ офицеровъ; въ гимназіи экзаменуютъ старшіе классы, тысячи прослушали народный университетъ, сотни съ отчаяннымъ россійскимъ „аканьемъ“ и „оканьемъ“, но очень увѣренно и живо, болтаютъ теперь въ лагеряхъ по французски и по англійски.

Въ Галлиполи до шести тысячъ русскихъ студентовъ. Въ Галлиполи до двадцати тысячъ молодыхъ

крестьянскихъ ребятъ, вчерашнихъ русскихъ фабричныхъ парней, вчерашнихъ гимназистовъ и конторщиковъ.

Въ Галлиполи несетъ монашескій подвигъ русская молодежь. Гдѣ осталась еще такая сіяющая духомъ русская молодежь, обрекшая себя крови и подвигу, ушедшая на замкнутый чистый послухъ въ бѣлый монастырь Галлиполи?... Зеленый нашъ садъ, милая наша надежда россійская, русская молодежь, послушникъ нашъ Алеша, третій изъ братьевъ, молодшій, который придетъ на смѣну всѣмъ намъ, и русскимъ холоднымъ безумцамъ Иванамъ, что сродни чорту, и Донъ Кихотамъ Митямъ, прокутившимъ душу, и мерзостнымъ Смердяковымъ. Третій братъ, милый Алеша, за которымъ, обѣленная въ великой крови и на гноищахъ, третья Россія.

Уже синій вечеръ. Едва бѣлѣетъ раскрытая книга, а на грузовикѣ все твердятъ нѣмецкія слова. Довольно бы, господа, — слышите, какъ звучитъ вечеръ и звѣзды, высокія и туманныя, выступили робкими, мерцающими толпами... Довольно бы, господа!

Der Garten ist grün, der Garten ist grün... доносится мнѣ вслѣдъ.

Люблю я вечеромъ идти синѣющими улицами.

Красными точками горятъ навстрѣчу папиросы. Голоса звучатъ утихающимъ рокотомъ. Развалины стѣнъ тихо свѣтятъ — синія, слушающія.

Синій вечеръ прислушивается и всѣ слышатъ его чуткое и осторожное дыханіе. Слышитъ и засыпающая пыль и мраморные тюрбаны въ бурьянѣ и сѣрые, поскрипывающіе, какъ ветхіе старики, греческіе дома и люди.

Музыка синяго вечера пуглива и отлетаетъ отъ громкаго говора, отъ топота, отъ тряской дроби телѣгъ. Музыка вечера пуглива и потому такъ осторожно и такъ чутко звучатъ голоса и люди прохо-

дятъ такъ тихо, безъ топота, и потому такъ мягко тлѣютъ огни папиросъ.

На каменныхъ ступенькахъ у сѣрыхъ домовъ и по откосамъ у турецкаго кладбища сидятъ чуть бѣлѣющими стайками солдаты. Они слушаютъ вечеръ и ихъ вечерній говоръ мягокъ и тихъ. Кто нибудь разсмѣется, но и смѣхъ негромокъ. Смѣхъ, какъ тихій плескъ на темной заводи, когда расходится серебристыми крупами вода отъ играющей серебристой плотвы.

Все призрачно и все нѣжно въ засинѣвшемъ воздухѣ. Я слушаю обрывки мягкаго русскаго говора и слагаются они въ какую то вечернюю пѣсню. Иду и хочу найти, подобрать весь трепетъ аккордовъ этой пѣсни и не могу, и больно мнѣ, что не могу.

— Завтра намъ по наряду идти, — слышится изъ синѣющей мглы.

— И была она вся бѣленькая и мерси по французски говорила и все какъ слѣдоватъ. Познакомился я съ ней въ Одестѣ. Ну, хорошо...

— Да его шашками красные зарубили. Буденовцы наскочили. Крошили насъ — страсть. А онъ остался подъ конями.

— Я въ дозорѣ лежу, а она идетъ на меня, такъ на меня и загибаетъ полемъ. Старушка. По лунѣ мнѣ видно. „Солдатикъ, говоритъ, не стрѣляй, дай напиться". Я далъ, а самъ ее ругать: „Какъ ты сюда попала?" — „Изъ за Днѣпра, по плавнямъ. Къ сыну. Сынъ у васъ въ бѣлыхъ служитъ". Я тогда ей и говорю: „Иди ты, баба, въ штабъ дивизіи"...

— Стояли мы подъ Каховкой. Пѣхоту трепали...

— А что я вамъ скажу: говорятъ всѣ государства пойдутъ въ Рассею порядокъ ставить...

— Говоришь ты, овсы. Овсы можетъ у васъ и хороши, а у насъ въ Мелитопольскомъ ты видѣлъ — пшеница какая...

Слушаю я вечерній говоръ солдатъ и кажется мнѣ, что такъ же, по синему вечеру мягкимъ говоркомъ гуторили о стоянкахъ, о штабахъ дивизіи, о походахъ и Скобелевскіе солдаты, въ лагеряхъ подъ Ташкентомъ, и пудреные гвардейцы императрицы Елисаветъ у походныхъ шатровъ подъ Берлиномъ, и усатые карабинеры Александра I, кругомъ костровъ, на мостовыхъ Парижскихъ предмѣстій...

Я иду къ морю, на камни. Шершавый камень уже прохладенъ. Повыше меня, по откосу, чуть бѣлѣютъ четыре рубахи. Не видно лицъ въ синѣющемъ сумракѣ. Тлѣетъ одинокій огонь папиросы. Я слушаю.

— Ты былъ номернымъ у орудія и гдѣ тебѣ коренныхъ знать. А я на нашемъ коренникѣ четыре года ѣздовымъ. Я ихъ обѣихъ знаю, коренныхъ. Лѣвая рыжая, молодая, Ледой звать, а правая тоже рыжая, но съ прогнѣдинкой, задастая, у той еще бабка сбита была и она на заднія ноги присѣдала, а звали Мечтательная. Я тебѣ про нихъ все разскажу. Лучше моей рыжей Леды во всемъ уносѣ не было. Выносила орудіе прямымъ духомъ, грудью, какъ вѣтеръ, а Мечтательная, конечно, кобыла старательная, но гдѣ ей угнать за Ледой, когда задомъ тянетъ, а не грудью... Ты помнишь, какъ подъ Новороссійскомъ нашу батарею сбили. Мечтательную снарядомъ по брюху садануло, кишки вывалились. Мы уходимъ, а она, братъ ты мой, головой дергаетъ, подымается. И поднялась. И пошла, а кишки подъ брюхомъ волочатся. Отстала вскорѣ... А Леда до Новороссійка дошла. Тамъ ее и бросили, когда грузились. Кони у мола ходили по гололедицѣ, непоенные, некормленные. Табунками ходили и все къ водѣ ближе. Сыростью отъ воды тянетъ, а имъ бы только попить, конямъ. Подошелъ такой табунокъ къ молу, а мы ужъ на корабляхъ сидимъ. У меня глазъ настрѣлянный на лошадей. Вижу, въ табункѣ моя рыжая. Тянетъ голову къ водѣ,

ржетъ, а ноздри трепещутъ. Пить хочетъ. Эхъ, думаю, Леда. И вижу, братъ ты мой, вдругъ какъ рванетъ Леда со всѣхъ четырехъ ногъ и въ воду. Не выдержала жажды лошадиной... Рухнула, коснулась губами соли морской и задернула голову. Задернула она голову, а ее относить стало, Леду. Я, братъ, ушелъ, не смотрѣлъ, но потопла, конечно...

На откосѣ замолчали. И слушаетъ человѣческое молчаніе туманная звѣздная розсыпь...

— Да, здѣсь Россія, — мягко выкативъ на меня мутные сѣрые глаза, говоритъ генералъ Карцевъ въ кафе, куда я пришелъ съ моря выпить стаканъ вина.

Генералъ Карцевъ предсѣдатель суда чести. Генералъ Карцевъ старый военный педагогъ, теоретикъ войны, знатокъ русской арміи, путешественникъ и воинъ.

Генералъ Карцевъ по крови солдатъ, еще его прадѣды служили въ Лейбъ-Гвардіи. Не было, кажется, ни одной войны, ни одного русскаго похода, начиная съ восьмидесятыхъ годовъ, гдѣ бы не участвовалъ генералъ Карцевъ. На его потертой курткѣ только одинъ орденокъ: стальной мечъ въ стальномъ терновомъ вѣнкѣ на георгіевской лентѣ, знакъ Корниловскаго ледяного похода. И съ серебряной чеканки казацкой шашки свисаетъ потертый закрученный въ тесемку лоскута ленты георгіевскаго оружія, что даруютъ храбрымъ.

Тяжелъ на подъемъ и лысъ генералъ Карцевъ. Онъ курносъ, глаза на выкатъ, и сѣдая бороденка ностетъ изъ шеи. Похожъ на Сократа генералъ Карцевъ, предсѣдатель суда чести, богъ войны, какъ зовутъ его въ Галлиполи молодые офицеры.

Онъ потерялъ недавно послѣдняго на землѣ родного человѣка. И всегда влажны его выкаченные глаза и, по правдѣ сказать, не отказывается онъ теперь отъ лишняго стакана терпкаго краснаго вина и отъ коричневаго, съ запахомъ корицы, коньяку.

Бесѣда его мудра и прекрасна. Много видѣли его старческіе выкаченные глаза. Индія, степи Тибета, Парижъ, Японія, походы и тихія книги, огни бивуаковъ и зеленыя лампы библіотекъ. Его цѣнные архивы, переписка его отцовъ и дѣдовъ съ царями, его дневники — погибли.

Я разсказываю ему о томъ, что видѣлъ въ Галлиполи, о солдатахъ, о поручикѣ Мишѣ, объ селитряныхъ язвахъ, о вольоопредѣляюшемся съ каримъ и голубымъ глазомъ. Я говорю ему, что услышалъ, какъ бьется здѣсь, подъ свернутыми знаменами, живое сердце Россіи.

— Здѣсь дышитъ Россія, — говоритъ Карцевъ, — не знаю какъ у васъ тамъ, у эмигрантовъ, а здѣсь Россія жива. Россія прекрасная, чистая, рыцарская. Вотъ ѣду въ Константинополь. Вы знаете, русскій офицеръ вызвалъ на дуэль французскаго лейтенанта Буше. Буше былъ грубъ съ русской женщиной, съ женой русскаго офицера. Послали вызовъ. Буше отвѣтилъ какимъ то смутнымъ письмомъ, не то отказомъ, не то извиненіемъ, а представитель Франціи отвѣтилъ примѣрно такъ, что ежели мы ѣдимъ ихъ консервы, то какая же можетъ быть у насъ честь. Мы отвѣтили что честь солдата и консервы вещи разныя. Мы сказали, что сообщимъ сосѣднимъ арміямъ, — какъ французскій офицеръ отказался выйти къ барьеру. И вотъ теперь меня вызываетъ Командиръ Французскаго Корпуса въ Константинополь.

Богъ войны усмѣхается, выкативъ на меня чуть сверкнувшіе глаза.

— А что Россія здѣсь жива, это вѣрно. Вы послушайте армію и вы услышите, что жива Россія. Видите ли, голубчикъ, вы думали о прежней Арміи по Купринскому „Поединку", по Ромашевымъ, капитанамъ Сливамъ и Шурочкамъ въ чулкахъ со стрѣлками, а о нашей арміи, о Галлиполи, ничего вы не знали. Видите

ли, если тамъ у васъ не услышатъ, что здѣсь происходитъ, — тамъ будетъ сдѣлана непоправимая ошибка. Здѣсь не отрыжка гражданской войны, не черный сбродъ и не грабители. Здѣсь новая армія, чистый кадръ Россіи, прошедшій черезъ всѣ испытанія, какихъ и не выдумаешь.

Генералъ медленными глотками пьетъ вино, мочитъ усы и на сѣдыхъ концахъ усовъ висятъ капельки вина, точно рубины.

— Мы понимаемъ здѣсь не по газетному. Развѣ у красныхъ нѣтъ арміи и арміи очень сильной. У красныхъ есть хорошіе, талантливые командиры. Подлецовъ въ свѣтѣ много, но съ подлецами за одинъ столъ мы никогда не сядемъ, пусть вотъ голову мнѣ обрубятъ, по шеѣ... Мы не политики, но есть у насъ своя солдатская религія: Сатана и Богъ борятся въ мірѣ. Сегодня побѣдилъ Сатана. Но побѣдимъ мы, потому что Богъ съ нами. Мы такъ вѣруемъ. И потому мы идемъ на всѣ испытанія и на все человѣческое терпѣніе.

Старикъ грузно опустилъ голову на руку. Задумался у стола, какъ старый рыцарь изъ давно читанной сказки, какъ сѣдой и грузный мастеръ рыцарскаго ордена.

— Вы армію поймите... Вотъ эти выпушки, кантики, вы, поди, смѣялись, какъ всѣ, надъ этакой тупостью. А знаете ли вы, что самыя сильныя арміи это тѣ, гдѣ каждый полкъ, каждая часть отлична, цвѣтетъ по своему, бережно носетъ свои историческія воспоминанія, свои завѣты крови и подвига. Примѣръ—германская армія. Гибель арміи въ нивеллировкѣ, въ номерныхъ полкахъ, въ сѣромъ ранжирѣ, когда всѣ цвѣта гаснутъ, когда цвѣтущая душа арміи увядаетъ. И вспомиите вы, какъ бѣжала французская номерная армія пода Шарлеруа подъ ударами, кажется, померанскихъ гренадеръ. Наша армія цвѣла при Елизаветѣ и Суворовѣ. Наша армія стала гаснуть отъ Милютин-

ской нивеллировки, съ Ванновскихъ номерныхъ полковъ. Пошли офицеры-чиновники, номера, милліоны бородатаго мяса, сплошная сѣрая пѣшка . . . Армія держалась тѣми, кого вы никогда и не видѣли. Армія держалась отшельниками-офицерами, монахами-офицерами, что кромѣ своихъ полковъ и солдатни ничего и не знали. Такіе же пришли и сюда, такіе, для которыхъ полкъ, родная рота, взводъ ближе всего на свѣтѣ, ближе возлюбленной.

Я слушаю парадоксы генерала и приходитъ мнѣ на память насмѣшливый обрывокъ „Журавля" и по иному я начинаю догадываться объ его смыслѣ . . .

Кто раскрашенъ какъ плакатъ,
То Корниловскій солдатъ . . .

Вѣроятно такъ и нужно, чтобы былъ раскрашенъ, чтобы цвѣлъ своимъ цвѣтомъ, чтобы пѣлъ своимъ тономъ. Молодые полки въ Галлиполи ревниво берегутъ всѣ свои новые, вынесенные изъ гражданской войны, отличительные знаки: нашивки на рукавахъ, черепа на скрещенныхъ мечахъ, черно-красные погоны Корниловцевъ, малиновый бархатъ погоновъ дроздовъ, а въ старой гвардіи бережно передается, по старшинству, желтый наплечный шнуръ аксельбантовъ съ серебряннымъ вензелемъ Екатерины II . . .

На улицѣ ночь . . .

Звѣздная розсыпь свѣтящимся туманомъ мерцаетъ надъ Галлиполи. Лучъ маяка золотистою тѣнью пролетаетъ сквозь звѣздный туманъ, падаетъ на темное море золотистыми трепетными крыльями. Далеко бѣлѣетъ башня маяка, Фенэра, какъ зовутъ его турки. Вчера я былъ тамъ съ друзьями . . . Я и не ждалъ встрѣтить здѣсь артистку Астрову, легкую, радостную комедійную артистку нашего Юга. Она ушла въ Галлиполи вслѣдъ за мужемъ, артиллерійскимъ капитаномъ. Здѣсь и Плевицкая и молодая Коваленская съ Александринской сцены.

Я иду ночной улицей и вспоминаю, какъ и насмѣшливо и свѣтло смотрѣла на меня Астрова.

— Итакъ вы уѣзжаете отъ насъ? Жаль, жаль... Жаль васъ, что уѣзжаете... Въ вашихъ Парижахъ и Константинополяхъ, у васъ тамъ нигдѣ Россіи нѣтъ. А здѣсь Россія. Жаль васъ, что вы уѣзжаете.

Иду подъ звѣзднымъ мерцаніемъ. Вздохи мѣдныхъ трубъ далеко поютъ старый вальсъ. Въ черной водѣ у мола качаются, какъ стыдливые свѣтляки, синіе огни звѣздъ и зыбятся отсвѣты оконъ кафе. Отсвѣты точно длинныя и нѣжныя рѣсницы.

На поплавкѣ, за узкимъ столикомъ, встрѣчаю командира гвардейской пѣхоты Лукошкова. У темныхъ перильцъ веранды вода дышетъ холодной свѣжестью, по ночному. Звѣзды свѣтлыя, чуткія, близкія стоятъ тихой толпой.

Легкая фелюга, спитъ поднявъ косую мачту, а въ черной паутинѣ снастей едва дрожитъ звѣздная розсыпь. Фелюга можетъ быть и не спитъ, а мечтаетъ и слушаетъ.

Строенъ и блѣденъ гвардеецъ Лукошковъ. На бѣломъ плечѣ чуть звякаетъ концами желтый шнуръ аксельбанта съ Екатерининскимъ вензелемъ. Лукошковъ выдержанный до отточенныхъ ногтей петербургскій гвардеецъ, мягкій, привѣтливый, но такой замкнутый. А теперь звѣзды подошли близко къ намъ и вижу я въ его глазахъ тихое, и синее, звѣздное мерцаніе. И можетъ быть потому такъ страненъ нашъ мерцающій разговоръ.

— Міръ потерялъ красоту, — говоритъ Лукошковъ, поглаживая длинными пальцами подбородокъ. — Красота отошла отъ міра. Всѣ живутъ мясомъ. Душа міра волочится въ грязи. У міра вдохновенья нѣтъ. Крыльевъ нѣтъ у теперешняго міра, послѣ войны.

Звякнувъ перстнемъ о стекло онъ наливаетъ себѣ стаканъ вина. Онъ оглядывается на звѣздную розсыпь,

онъ разсказываетъ мнѣ странную исторію, странной рыцарской любви... Его другъ потерялъ любимую. Его другъ одинъ подъ звѣздами, а любимая умерла. И нечѣмъ забыться и никогда не забыть. Но Любимая придетъ, потому что Любовь безсмертна, неумираема Любовь и не осыпается никогда ея бѣлый цвѣтъ. Любимая придетъ, какъ звѣзда падетъ на землю, и его другъ, можетъ быть здѣсь еще, на землѣ, встѣтитъ ее, а можетъ быть тамъ, гдѣ свѣтятъ звѣздные туманы.

Иду одинъ въ туманѣ звѣздъ. Иду на мой обрывъ и думаю, что такія исторіи уже забыты у насъ. Такія рыцарскія исторіи о Неумирающей Любви и о Прекрасной Дамѣ.

Когда буду я проходить у завѣшеннаго окна той площадки, гдѣ живешь ты, моя родная, ты будешь уже спать. Также какъ въ дѣтствѣ, давно, въ Петербургѣ. прижавъ дѣтскую ало-горящую щеку къ согнутой бѣлой рукѣ. И твоя каштановая коса распушится и будетъ легко щекотать тебѣ чуткія рѣсницы.

Ты будешь уже спать, родная. А если бы ты не спала, я сѣлъ бы на корточки на полъ, у твоего матраца, и сталъ бы разсказывать тебѣ чудесныя и странныя исторіи о взрывахъ въ наклоненныхъ цилиндрахъ, о траэкторіяхъ и парабулахъ на пустыряхъ, о нѣмецкихъ вокабулахъ на автомобилѣ, о рыжей кобылѣ Ледѣ, о рыцаряхъ и рыцарской любви.

Помнишь ты, какъ давно, когда мы были ребятами, братъ Женя увѣрялъ насъ, что по ночамъ, въ кухнѣ, садится онъ на табуретъ, беретъ большой чайникъ въ дорогу, чтобы было что испить по пути, и улетаетъ на табуретѣ путешествовать по звѣздному небу.

Помнишь онъ разсказывалъ, какъ встрѣчали его звѣзды, гдѣ живутъ ангелы. Есть скорбные ангелы и свернуты ихъ темныя, какъ печаль, крылья и скорбно смотрятъ они ночью внизъ на землю. Есть веселые

ангелы. Они поютъ вечеромъ и ихъ пѣніемъ звучитъ земля . . . Помнишь, братъ Женя увѣрялъ, что ангелы, какъ и ты, разучиваютъ экзерсисы на піанино и что есть у нихъ, какъ у нашей бабушки, клѣтки со старыми ворчливыми добряками попугаями . . .

Ты спишь? Я пришелъ тебѣ разсказать странныя сказки о разсыпанныхъ на землѣ звѣздахъ, сказки о людяхъ, у которыхъ души горятъ, точно звѣзды.

Облака.

Отливъ . . . .

Сѣдыя стада пѣны обгладили песокъ желтоватыми, влажными зеркалами и ушли далеко въ море. Вдоль всего берега раскинулась на пескѣ зеркальная дорога.

Стою я у берега и видны мнѣ во влажныхъ зеркалахъ, у ногъ, отраженія бѣлыхъ, медленно идущихъ въ небѣ облаковъ.

Пронизанные свѣтомъ они клубятъ золотистые дымы. Скоро будетъ заходить солнце и небо посвѣтлѣло и, предвечернее, голубѣетъ чисто и тихо.

Во влажныхъ зеркалахъ клубятъ облака медлительные клубы жемчуга. Проносятъ пушистыя шапки снѣговыхъ горъ. Караваны бѣлыхъ верблюдовъ движутся, сквозя синевой межъ бѣлыхъ горбовъ. Плывутъ тихія башни. Поднявъ щиты идутъ бѣлыя рыцарскія дружины.

Уходятъ — находятъ облака . . .

Можетъ быть вижу я на влажномъ пескѣ рыцарскія тѣни крестоносцевъ, что проходятъ высокимъ вечерѣющимъ небомъ надъ Галлиполи и ищутъ стоянокъ рыцарскихъ шатровъ, и ищутъ стойлъ, гдѣ ржали тяжелые кони и алтарей, гдѣ молились пріоры.

Рыцари — облака, облака — рыцари . . .

Бѣлые рыцари бываютъ теперь только въ дѣтскихъ сказкахъ. Нѣтъ больше рыцарей въ мірѣ. Поч-

тенный міръ носитъ теперь круглое желтое канотье и ковыряетъ зубочисткой въ золотыхъ пломбахъ. Почтенный міръ, дымяся потнымъ затылкомъ, сотрясаетъ огненные полы кафе лошадинымъ топотомъ фокстрота.

Старые шарманщики еще поютъ о поповскомъ Христѣ, еще роются въ проѣденномъ червями Шекспирѣ, еще затихаютъ у страницъ Гете. Старые шарманщики вертятъ ручку сиплой шарманки и тянутъ ржавый мотивъ, что есть будто бы Богъ, правда и красота, что человѣчество — Сынъ Божій, несущій сіяніе божественнаго свѣта, звѣздный крестъ.

Гораздо убѣдительнѣе старыхъ шарманщиковъ ревъ пушекъ Канэ, Берты и многопудовый цилиндръ 14-дюймовыхъ орудій съ дреднаута. Есть кровь и есть сила и нечего долѣе тянуть заржавленный мотивъ.

— Эй, галопомъ тустепъ, эй ударьте бѣшеннѣй каблуки въ фокстротѣ.

Слишкомъ долго разговаривали господа Кане съ господами Круппами. Міръ можетъ быть оглохъ и ослѣпъ, но міръ рѣшилъ, что все дозволено, потому что все позволяетъ сила и кровь. И потому, вперевъ багровѣющіе кровью, бритые затылки въ тугіе воротники мундировъ, сѣли за Брестъ-Литовскій столъ нѣмецкіе генералы. И потому, между гольфомъ и ростбифомъ, жизнерадостный Ллойдъ-Джорджъ подписалъ Британскую грамоту о покупкѣ русской мертвечины. И потому въ „1921 году по Рождествѣ Христовѣ, парижская газета „Paris-Midi“ послѣ сообщенія о голодной смерти Россіи, почтенно совѣтуя помогать, почтенно совѣтуетъ всему міру не забывать, что жизнь одного француза стоитъ жизни 10.000 русскихъ.

— Эй, галопомъ тустепъ, эй, ударьте бѣшеннѣй каблуки въ фокстротѣ.

Сатана завертѣлъ теперь ручку шарманки. И это повеселѣе, чѣмъ завываніе старыхъ нищенокъ на па-

пертяхъ соборовъ, гдѣ сѣрый камень гудитъ подъ сводами вѣковымъ шепотомъ неоправданныхъ молитвъ и не сбываемыхъ надеждъ на призрачнаго Мессію.

Настоящій Мессія уже пришелъ. Вотъ онъ, въ желтомъ канотье съ золотыми пломбами на гнилыхъ зубахъ и съ „Paris-Midi“ въ карманѣ разглаженнаго пиджака.

Для него значитъ шли въ Іерусалимъ палладины и подымался на костеръ Джордано Бруно, и пѣлъ милосердіе свободы Камиллъ-де-Мулэнъ и маленькій барабанщикъ водилъ въ огонь старую гвардію?... Или это только облака, облака, что идутъ высоко надъ землей.

Заломивъ канотье Мессія вертитъ ручку визжащей шарманки. Все позволено и не будетъ больше свѣта и небо въ крови.

Свѣтъ померкъ и небо въ крови потому, что померкла моя родная земля.

Земля родная пала черным пепломъ и уже догораетъ.

Земля родная моя, ледяная пустыня. Земля родная, обглоданная падаль, что кажетъ дымному, красному небу свои обугленныя черныя ребра.

Хлопья гари поднялись отъ земли моей и зарева земли моей шагаютъ по полямъ человѣческимъ.

Земля родная, ты смрадъ кладбищъ и ты ночь, и твои мертвецы ходятъ вѣтромъ по всему міру. Они дергаютъ шершавыя веревки колоколовъ. Они дышатъ морозомъ подъ пудреные, тяжелые парики законодателей. Они садятся за одинъ столъ съ тѣми, кто торгуетъ пылью твоихъ кладбищъ, родная земля.

Ночь ты, земля моя и на всей землѣ ночь. Кладбище ты и по всему міру смердный духъ кладбища. Звѣрь завылъ въ ледяныхъ пустыняхъ твоихъ, земля моя, и по всему міру воетъ звѣрь, оскаливъ клинки золотыхъ пломбъ въ ужасѣ смертной тоски.

Залегла ночь. Сочится, медля, отсчитанный срокъ Апокалипсиса, когда третій ангелъ вылилъ чашу свою и сдѣлалась великая кровь... Но будетъ день. Ты, земля моя, какъ заутріе новаго царства, и ты будешь день, моя земля. Ты, земля моя, будешь какъ жена, облеченная въ солнце.

Облака... Бѣлые дымы во влажныхъ зеркалахъ. Тихо проплываютъ бѣлыя башни.

Высоко надъ синимъ моремъ бѣлѣютъ монастырскія башни. Тихо въ монастырѣ и гулъ земли едва доноситъ до него море. Живутъ тамъ воины-монахи. Они пришли изъ міра крови. Они взяли за бѣлыя стѣны свою молодежь и своихъ дѣтей. Они принесли сюда вѣру и красоту.

Звѣздный крестъ принесли они съ собой въ бѣлый монастырь. Они замкнулись. Они какъ послѣдній отблескъ свѣта въ черномъ небѣ, послѣдній отблескъ, обѣщающій желанную зорю.

Свѣтлое воинство, призракъ бѣлый, благостно вѣетъ уже надъ Россіей. Нетлѣнныя бѣлыя розы возрастаютъ на черномъ русскомъ крестѣ...

Высоко горитъ въ небѣ ночи звѣздный крестъ.

Тихая заря будетъ. И на зарѣ придутъ призрачные рыцары, бѣлые воины-монахи. И принесутъ міру божественный свѣтъ и спрятанныя звѣзды.

Они родились въ крови, бѣлые воины. Они исчадіе воины. Они дѣти страданій и оскорбленій. Но смыты всѣ гноища войны въ монастырѣ надъ синимъ моремъ и тамъ пріоткрыла война другой свой ликъ, свѣтлый и благостный...

Мнѣ пора идти къ пароходу. Уже длиннѣетъ по вечернему моя засинѣвшая на желтомъ пескѣ тѣнь. Сонно шуршитъ репей подъ шагами... Вспоминаю я бѣлые лагери, шелестъ соломы надъ шатрами знаменъ, бѣлыхъ солдатъ, похожаго на Сократа Карцева и вольноопредѣляющагося съ каримъ и голубымъ глазомъ, и поручика артиллеріи Мишу.

Почему всѣ они кажутся мнѣ на одно лицо и почему одинъ огонь горитъ въ ихъ усталыхъ глазахъ. Радостный огонь побѣждающаго духа.

Въ бѣломъ монастырѣ нѣжный и чистый мастеръ-монахъ, такой же нѣжный и чистый, какъ братъ ангелова Фра Беато Анжелико, намѣтилъ первые контуры божественной фрески. Еще смутные, едва сквозящіе, изумительные и прекрасные контуры Россіи...

Сѣдой Карцевъ, у котораго прадѣды служили компанцами и сержантами въ Императорской гвардіи и разноглазый вольноопредѣляющійся изъ поповичей, дѣды котораго можетъ быть дрожащими голосками пѣли панихиды по болярамъ, убіеннымъ подъ Бородинымъ и на Смоленской дорогѣ, эфрейторы изъ воронежскихъ красноармейцевъ, полковники петербургской гвардіи — всѣ озарены тихимъ заревомъ Россіи.

Россія дышетъ въ Галлиполи. Здѣсь дышутъ московскіе дворики, поросшіе мягкой муравой и утонувшіе въ солнцѣ. Плыветъ здѣсь тихій пожаръ вечерней зари въ окнахъ дворцовъ по Англійской набережной Санктъ-Петербурга, когда Адмиралтейскій шпицъ гаснетъ въ блѣдномъ небѣ желтой стрѣлой. Здѣсь свѣжъ медовый запахъ русской гречихи, когда радостно сквозятъ сѣтки дождей въ сквозящей небесной сини надъ рѣющими русскими полосками и перелѣсками. Россія свѣтитъ и сквозитъ здѣсь.

Галлиполи — отстой Россіи; Россіи, не знающей перерывовъ на чудесной и страшной дорогѣ своей.

Еслибы въ 1854 году, подъ Севастополемъ, была бы сброшена въ Черное море русская армія, сюда, въ турецкіе лагери, пришелъ бы съ нею артиллерійскій поручикъ Левъ Толстой.

Маленькій, блѣдный и черноглазый гусарскій корнетъ Лермонтовъ несъ бы здѣсь караулы, у соломенныхъ шатровъ, гдѣ склонены боевыя знамена.

Пушкинъ, теребя и закручивая кольца рыжеватыхъ кудрей на быстрые пальцы, свѣтло и вдохновенно пѣлъ бы свои „Посланія Друзьямъ Галлиполійцамъ“ о радости побѣждающаго духа, о денницѣ, что блеснетъ заутра...

Облака, облака... И мысли мои, какъ облака.

Моя тѣнь, ломаясь на сѣрой грядѣ заборовъ, бѣжитъ вверхъ, по бурьяну. Вотъ и площадь съ грузовиками и сѣрый домъ, гдѣ на верху, подъ черепичной крышей, завѣшенное одѣяломъ окно твоей площадки.

Мы вмѣстѣ идемъ къ пароходу. Мы не говоримъ о долгихъ разстояніяхъ. Мы вспоминаемъ нашъ домъ, нашъ огромный черный рояль въ гостинной и старую няньку Степаниду, у которой зубъ былъ со свистомъ.

И когда вспоминаемъ, она смѣется и вижу я, какъ на ея бѣломъ затылкѣ ветеръ чуть треплетъ каштановыя кудерьки, пронизанный теплой позолотой заката. Я сжимаю крѣпко ея родныя руки. Я хочу сказать, что она русская, что я горжусь ею, женой Галлиполійскаго офицера, но вижу я пронизанные вечерней позолотой каріе глаза и вспоминаю Петербургъ, морозный дымъ января, брата Женю и ея зеленый портфель съ серебрянымъ ключикомъ.

— Ну какъ же ты думаешь, найдемъ мы когда нибудь твой серебряный ключикъ?

— Найдемъ. Конечно. И тогда все откроемъ; — усмѣхается она тихо.

Мы стоимъ у мола. Легко плеская и скатывая съ веселъ золотыя журчащія змѣйки, скоро подойдетъ отъ парохода шлюпка.

Часъ заката. Сверканья поднятыхъ солнечныхъ копій стынутъ надъ синими призраками горъ. Вечерняя тишина подошла къ бѣлымъ птицамъ.

Трубачъ поетъ вечернюю зорю. Я знаю, полыхаетъ на мѣди багряный закатъ. Трубачъ поетъ, по-

дымая трубу на всѣ четыре стороны свѣта. Вечерняя заря летитъ короткими криками, точно птица бьетъ багряными крыльями.

Кого кличешь ты, вечерній трубачъ?...

По осеннему холоду, когда снимутся бѣлыя птицы, на бурой и мокрой травѣ зачернѣютъ груды обожженыхъ кирпичей отъ разобранныхъ очаговъ и будутъ дымить дождемъ ржавыя кучи консервныхъ банокъ и размоетъ дождями глиняныя ступени русскихъ амфитеатровъ. И долго будетъ носить осенній вѣтеръ бѣлые клочья порванныхъ листковъ.

Когда улетятъ бѣлыя птицы, по долинѣ останутся ихъ птичьи слѣды: черныя прямыя нитки канавъ и тропы, вьющіяся какъ петельки птичьихъ когтей.

На каменистыхъ холмахъ будутъ мочить дожди двуглавыхъ орловъ, сложенныхъ изъ сѣрыхъ морскихъ галекъ и раковинъ. И раковины станутъ шумѣть печальнымъ шумомъ прибоя.

На кирпичныхъ стѣнахъ домовъ и мечетей Галлиполи, когда улетятъ бѣлыя птицы, будутъ долго темнѣть черные орлы и черныя русскія буквы: „Телеграфная рота", „Артиллерійская школа", „Гарнизонный театръ". И коричневыя, маленькія турчанки, слушая вой сырого вѣтра и грохотъ прибоя, будутъ пѣть долгія пѣсни русскихъ гяуровъ.

Когда улетятъ бѣлыя птицы, кто станетъ на почетный караулъ у каменнаго надгробья, гдѣ распласталъ грозныя крылья орелъ, заведя очи въ гнѣвной скорби?

Солнце, выпуская изъ за синихъ горъ послѣднія стаи своихъ багряныхъ птицъ, будетъ искать по дымной долинѣ трубача, когда улетятъ бѣлыя птицы.

— Гдѣ ты мой синій трубачъ?

А надъ дымной мглою моря, на зарѣ, будутъ идти огромныя свѣтлыя облака. Башни, снѣговыя горы, караваны и рыцари.

Облака, облака, облака...

* * *

Когда уголья будутъ гаснуть, ты тронь ихъ щипцами и ринутся искры и запляшутъ, а ты сядь ближе и слушай шопотъ огня.

Сядь ближе, наклонись такъ, чтобы тихій багрянецъ озарилъ твое лицо, и слушай.

ИВАНЪ ЛУКАШЪ

Галлиполи, Августъ-Сентябрь, 1921 г.

